

«МИРОВАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ КРИЗИСА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ»

28 мая 2010 года
гостиница Baltic Beach Hotel, Юрмала

Стенограмма

Вступительное слово

Янис Урбанович, президент международного общества «Балтийский форум» (Латвия)
«Добрый день, дорогие друзья! Как и каждый год в последнюю пятницу мая мы вместе с друзьями, гостями собираемся на «Балтийский форум» для того, чтобы обсудить важные вопросы, которые волнуют нас и радуют. Список выступающих и докладов сегодня очень интересный. Поэтому позвольте открыть наш сегодняшний форум!».

Игорь Юргенс, председатель правления Института современного развития, председатель Наблюдательного совета международного общества «Балтийский форум» (Россия)

«Для нас действительно большая честь уже с 1997 года каждый год здесь, в Москве, Санкт-Петербурге, но больше всего в Латвии встречать старых друзей, рассуждать о взаимоотношениях России и Балтийского региона, России, Латвии и ЕС. Каждый год это приносит что-то новое. В этом году мы очень рады тому факту, что наш форум приветствует министр иностранных дел ЛР, человек много сделавший для осмысления международной архитектуры безопасности, которая складывается в настоящий момент на континенте. Нам также приятно, что нас приветствует мэр г. Риги Нил Ушаков. Все эти события для форума являются знаковыми и говорят о том, что это довольно редкое событие, когда 13-ть лет существует неправительственная организация, поддерживающая себя энтузиазмом участников и совершенно добровольным желанием жить в более спокойном дружелюбном мире. Таких неправительственных организаций очень мало и мы очень горды, что мы к ним относимся. Мы очень благодарны за гостеприимство, которое традиционно оказывает нам латвийская сторона. Мы готовимся к очень серьезному мозговому штурму на проблемы, стоящие перед регионом и континентом. Я вас от всей души приветствую, и хотел бы сказать, что мы придаем этому форуму и работе с теми людьми, которые его возглавляют огромное значение».

Айвис Ронис, министр иностранных дел Латвийской Республики

«Уважаемые организаторы! Послы, дамы и господа! Г-н Урбанович назвал меня патроном конференции, это, конечно преувеличено. Но я надеюсь, что в следующем году Форум пройдет под совместным патронажем МИД ЛР и МИД РФ.

Тема вашей конференции очень глубокая и, кажется, что на вопросы не найти ответов, но кто не ищет, тот и не найдет! Я принял ваш интеллектуальный вызов так же, как несколько недель назад принял вызов стать министром иностранных дел Латвии. Надеюсь, что в следующем году вы примите мое сегодняшнее предложение превратить эту конференцию в настоящий диалог между Латвией и Россией, в котором примет участие весь спектр политических сил обеих стран, диалог, который дополнят наши союзники и партнеры. Будьте открыты и, как сказал в свое время президент США

Рональд Рейган: «Снесите эту стену!», в данном случае - стену предубеждений. Чтобы и другие политические силы двух стран могли высказаться и встретиться с вами. Не будем идеализировать или демонизировать друг друга, не будем искусственно вводить цензуру – и, по крайней мере, в рамках диалога будем принимать друг друга такими, какие мы есть, слушаем разные мнения.

Глобальный экономический кризис итак непрогнозируемый мир сделал еще более непрогнозируемым. Экономики Америки и Европы ответственно пытаются перестроиться на долгосрочность, Китай пытается оживить свой внутренний рынок, чтобы снизить свою большую зависимость от «кашляющих» иностранных рынков, Россия опять пытается модернизироваться, но все одновременно конкурируют за иссекающие природные ресурсы. Пытаются спасти мир от изменений климата. Еще по пути надо справиться с терроризмом, региональными конфликтами, наркотиками, пиратами, бедностью в Африке и т.д.. Это все влияет на мир. Конечно, при жизни мы еще должны содержать и политику ценности как ориентир и точку отсчета, как цель для всего того, что делаем. Кто же это все может структурировать, видеть общую картину, систематизировать, координировать и управлять этим! Только приветствуются стремления, такие как глобальная координация, например, G-20 или институциональные, например, новая стратегическая концепция НАТО и введение ЕС Лиссабонского договора.

Внешняя политика Латвии должна стоять на трех китах. Во-первых, на скоординированной и солидарной стратегии Европейского союза по выходу из кризиса. Во-вторых, на сотрудничестве в рамках обновленного НАТО, страны-участницы которого могут справиться со старыми и новыми угрозами. И, наконец, в-третьих, на сотрудничестве с соседями.

Я думаю, что для нашей страны это сейчас единственный правильный рецепт, чтобы сохранить безопасность, мы можем привлекать ресурсы, переструктурировать государственное управление и экономику, чтобы получить конкурентоспособность. Это ответственная политика по отношению к нашим партнерам, соседям и союзникам.

Конечно, у нас существует и свой список желаний. Мы хотим, чтобы США из-за своей внутренней занятости не уменьшило свое глобальное влияние и как они сами говорят, чтобы оставалось так, что со всех уголков земли были видны ценности свободы и демократии Вашингтона. Мы хотим, чтобы европейская внутренняя солидарность была бы, по меньшей мере, как время работы Европейской Комиссии, а не эксклюзивным и чрезвычайным событием.

Мы очень хотим, чтобы президенту Медведеву удалось реализовать план модернизации России и чтобы высказанное им осуждение сталинизма стало хорошим началом пути России к сердцам и умам своих соседей. Но я хочу сказать своим согражданам в Латвии: нам никто ничего не должен! Мы не живем в мире, где, с одной стороны, нас ласкает мать Тереза, а с другой - пугает Иван Грозный. Мы входим в западные организации, которые связаны тесным партнерством с нашим тысячелетним соседом – Россией.

Спасибо! Желаю успехов вашей конференции!».

Нил Ушаков, председатель Рижской думы

«Добрый день, дамы и господа! Я считаю, что на этом форуме очень важно, что наши союзники из ЕС, друзья из России, союзники из США, НАТО сидят вместе в этом зале, уничтожается конфронтация, ищутся новые подходы и решения и это важно! Диалог, который сформировался на «Балтийском форуме» - это большой инструмент, который необходимо использовать Латвии. Я рад был сегодня услышать от г-на министра предложение, что надо расширить эту конференцию, что как с нашей стороны, так и с российской надо разрушить стереотипы, которые сформировались за многие годы.

Поэтому спасибо «Балтийскому форуму», который это делает многие годы и отдельное спасибо г-ну Урбановичу, который заслуживает это «спасибо». Я желаю вам успехов. Спасибо!».

Александр Вешняков, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Латвийской Республике

«Добрый день, дамы и господа! Прежде чем начать свое выступление, я хочу поблагодарить организаторов конференции, которая уже стала доброй традицией, очень интересным событием в жизни не только Латвии, стран Балтийского региона, но и России тоже. Благодарю за приглашение принять здесь участие. Учитывая, что здесь присутствуют как всегда видные ученые, ведущие эксперты, хочу выразить надежду, что предлагаемая очень актуальная тематика будет аргументировано проанализирована, а результаты конференции будут иметь научно-прикладное значение.

Отношения России и Латвии сохраняют тенденцию развития. Принципиальный подход России к выстраиванию взаимодействия с Латвией не изменен. Наша страна настроена расширять взаимовыгодное сотрудничество на основе принципов добрососедства.

Обе наши страны очень сильно затронул мировой финансовый экономический кризис. В прошлом 2009 году произошло снижение показателей нашего взаимного товарооборота, по сравнению с 2008 годом почти в два раза. Объем нашего товарооборота был 4,5 млрд. \$, в том числе экспорт 4,1, а импорт 0,4 млрд. \$. В тоже время в кризисных условиях открываются новые возможности, новые подходы для развития нашего двустороннего сотрудничества. Кстати, это подтверждается и статистикой. В первом квартале текущего года рост объема взаимной торговли составил более 25%. Хотел бы особо отметить, что рост латвийского экспорта в России вырос почти на 30%. В структуре российского экспорта традиционно доминировали энергоносители. В импортере лидирующие позиции вышли продовольствие, химические товары и фармацевтические товары. Как представляется, эта тенденция получит дальнейшее закрепление на фоне снижения курса евро, что будет содействовать повышению конкурентоспособности латвийских товаров.

Новые перспективы открываются в нашем взаимодействии в сфере транзита. Россия является главным партнером Латвии в этой сфере. Около 70% грузов, которые перевозятся по железной дороге и проходят через морские порты страны являются российскими. Важную роль играет транзит Кузбасского угля, на который приходится около трети общего объема перевалки транзитных грузов. Кризисный период, мы уверены, уйдет в прошлое и объемы транзитных перевозок будут возрастать. Закрепление российского бизнеса активно интересующегося возможностями осуществления инвестиций в портовую инфраструктуру Латвии могли бы этому способствовать.

Говоря о нашем инвестиционном сотрудничестве, хотел бы отметить, что его уровень не отвечает потенциалу тех возможностей, которые у нас есть. По данным Банка Латвии объем накопленных прямых российских инвестиций в экономику страны по итогам 2009 года составил 509 млн. \$. Россия занимает только скромное 7 место среди основных инвесторов Латвии. В настоящее время разрабатываются проекты, которые в перспективе будут способствовать увеличению транзита между нашими странами. Российский производитель минеральных удобрений Уралхим зарегистрировал в Латвии свою дочернюю компанию и намерен построить для перевалки удобрений два грузовых терминала в Рижском порту. В Вентспилском порту запущена первая очередь угольного терминала закрытого типа совместной компанией Балтийский угольный терминал, проектная мощность 10 млн. тонн.

В рамках состоявшегося в 2009 году визита в Москву руководства мэрии Риги обсуждались вопросы создания в Рижском порту технопарка и перевалки контейнеров на российском направлении. Латвийская сторона проявляет интерес к совместным проектам с Россией по развитию Лиепайского порта.

Успешно продолжается сотрудничество и в газовой сфере. В 2009 году продлен договор между компанией Латвияс газе и концерном Газпром о поставках природного газа в Латвию до 2030 года. В период с 2010 по 2015 год этого века объем инвестиций Латвияс газе в энергизацию подземного газохранилища в Инчукалнсе, обеспечение его безопасности, а также дальнейшее его развитие составит не менее 100 млн. \$.

Энергосистема Латвии более чем на 10% обеспечивается российскими поставками электроэнергии. По оценкам экспертов ежегодный энергодефицит Латвии составляет 30-35% от энергопотребления. С учетом ежегодного роста спроса и того спроса, который наверняка будет на всем европейском рынке, к 2012 году этот дефицит может составить до 40%. В условиях возрастающего регионального дефицита после закрытия Игналинской АС, российские компании выражают заинтересованность участвовать в создании в Латвии новых электрогенерирующих мощностей, а также в подготовке двустороннего соглашения о мерах по обеспечению параллельной работы энергосистем России и Латвии.

Вынужден отметить, что участие россиян в международном конкурсе на строительство новой электростанции в Лиепаи имеет ограничения. Полагается предпочтения отдавать компаниям, зарегистрированным на территории ЕС и относящимся к членам ВТО, куда нас пока не пускают, что не содействует энергодиалогу Россия и ЕС.

В 2010 году состоится пуск в эксплуатацию автосборочного предприятия «АМО PLANT» под Елгавой, где основными акционерами являются правительство Москвы и предприятие ЗИЛ. Кроме автобусов на заводе будут собираться малотиражные автомобили, минитрактор, общий объем инвестиций составит около 70 млн. \$.

Имеется предварительная договоренность о создании в Даугавпилсе совместного производства светодиодной продукции при содействии объединения Росэлектроника.

Говоря в целом об участии России в сотрудничестве, повторяю, что мы против того, чтобы России по-прежнему отводилась роль поставщика энергоносителей и сырья, а вопросы производственного и научно-технического сотрудничества оставались в тени.

Тема повышения конкурентоспособности экономики, диверсификации и переход на инновационный путь развития является весьма актуальной для наших стран. Интернационализация научно-исследовательских работ может способствовать выпуску конкурентоспособной продукции в интересах участников инновационных проектов. Такие проекты могли бы реализовываться на латвийской территории при софинансировании со стороны целевых структурных фондов ЕС.

Подытоживая сказанное, еще раз отмечу, что имеются хорошие возможности для дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества между нашими странами. Важно эти возможности не упустить.

Необходимо развивать нашу двустороннюю договорно-правовую базу во внешнеэкономической сфере. В этом году ожидается подписание Соглашения об избежании двойного налогообложения. Продолжается переговорный процесс по соглашению о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Подписание этих и других договоров, всего около десятка, мы недавно сверяли наши позиции по этому поводу с г-ном министром. Планируется в ходе готовящегося визита президента Латвии Валдиса Затлерса в Россию, который может стать первым после 16-летней паузы в полномасштабных контактах на высшем уровне.

Заключение упомянутых соглашений позволит создать стабильную инвестиционную среду в двусторонних связях, упорядочить вопросы налогообложения в соответствии с международными стандартами и даст новый толчок развития торговых и экономических отношений между нашими странами.

Считаю необходимым использовать механизмы и инструментарий межправительственной комиссии и делового совета для конкретизации совместных экономических проектов и перевода их в практическое русло. Очередное заседание нашей межправительственной комиссии намечено на 4 июня в Пскове.

Наши страны соседи и должны жить по-соседски в мире и согласии. Полагаю, что развивающиеся торгово-экономические связи могут содействовать преодолению кризисных явлений и стать одной из базовых конструкций, образно говоря, материальным воплощением реального партнерства, взаимодействия и доверия двух стран. Т.е. того доверия, о котором говорил сегодня, приветствую нас здесь, министр иностранных дел Латвии. Спасибо за внимание! Хочу пожелать участникам конференции продуктивной дискуссии и хорошего общения!».

Панельная дискуссия 1: Новая экономическая расстановка сил – новая геополитика?

Игорь Юргенс, председатель правления Института современного развития (Россия)

«Уважаемы дамы и господа, друзья! Невозможно отрицать, что события последних двух лет ощутимо сказались на расстановке сил мировой экономики. Именно этот вопрос мы сегодня и рассматриваем на этой секции.

Никаких революционных изменений, с моей точки зрения, в геополитике не произошло, но многие процессы уже обозначившиеся до того, были значительно ускорены. Вместе с тем уделять новой расстановке сил чрезмерное внимание, по-моему, не всегда полезно. Здесь я бы хотел сослаться на выступление министра иностранных дел Латвии, который справедливо сказал, что ни Матери Терезы, ни Ивана Грозного нет, надо заниматься самым тем, что нам Бог дал. Для некоторых субъектов мировой экономики, например, такого крупного, как Российская Федерация, даже не безопасно чрезмерное внимание геополитическим вопросам, когда страна проходит через кризис.

Логика конкуренции принуждает воспринимать нас чужое усиление как вызов, который требует защитных мер, а чужое ослабление как шанс, который необходимо использовать в собственных интересах. Но такая логика работает в том случае, если обеспечена качественная конкурентоспособность национальной экономики. Если приобретение этой конкурентоспособности стоит на повестке дня, то следует понимать, масштабная задача заставляет оглядываться на перестановку сил во вне со значительной долей осторожности. В полной мере это относится к нынешней России.

И новые сильные и новые слабые игроки мировой экономики для России важны настолько, насколько реально и продуктивно будет развитие с ними партнерства для модернизации. Перспективой такого партнерства в некоторой степени определяется экономической мощностью сторон.

Для самой России мировой кризис не стал роковым испытанием, но вскрыл многие из нарывов, о которых эксперты, в том числе и мы здесь на «Балтийском форуме», говорили задолго до того. Мы получили ясное подтверждение неустойчивости

форсированного роста, основанного на притоке нефти долларов и повышения роли государства в экономике, чувствительности таких проблем, как экспортная ориентация сырьевых отраслей, принципиальная слабость частной финансовой системы, зависимость от внешнего кредитования при накоплении огромных государственных финансовых резервов и значительном вывозе капитала.

Основной задачей для страны на период стабилизации стал выход на траекторию сбалансированного развития устойчивого к внешним воздействиям и сопровождающегося осовремениванием финансовой системы радикальным улучшением регулятивной среды. Главной движущей силой такого роста должны быть инвестиции и инновации. Есть четкое понимание того, что реальное обновление способно дать только полномасштабная модернизация, перезагрузка институтов регулирования национальной экономики, повсеместное улучшение условий хозяйствования, снижение административных барьеров, тотальная дебюрократизация, отказ от ручного управления в пользу универсальных мер поддержки конкуренции и защиты собственности. Дело не может ограничиться одними экономическими мерами. Требуется общая интегральная модернизация, в том числе модернизация политической сферы, социальных отношений, гражданского сознания.

Одним из важнейших факторов способных как ускорить преодоление последствий кризиса, так и стать катализатором всеобъемлющей модернизации является широкое вовлечение России в мировые интеграционные процессы – политические и экономические. Чем более страна интегрирована, тем менее она зависима, это не парадокс. Чем крепче внешние инвестиционные базы для роста национальной экономики, тем успешнее работает на ее защиту международные механизмы, тем эффективней оказываются усилия по корректировке и перестройки этих механизмов при появлении такой необходимости. Перспективные цели, совместное достижение которых отвечает интересам как России, так и наших партнеров, это, как правило, цели достижимые лишь для модернизирования экономической системы. Перемены, которых требуют от нас задач объединения усилий с развитыми экономиками, это именно те перемены, которые давно намечены, но до сих пор тормозятся нехваткой воли и рвения.

Сегодня Россия встроена в процессы интеграции сразу на нескольких уровнях и в нескольких направлениях. Это создание единого экономического пространства и таможенного союза с ближайшими соседями по СНГ, это все более широкое участие в организации азиатского тихоокеанского экономического сотрудничества, это продолжающаяся работа по подготовке к вступлению в ВТО и организацию экономического сотрудничества развития, наконец, это активизирующееся взаимодействие с ЕС.

В начале нынешнего года наш институт завершил работу над материалом «Россия XXI века – образ желаемого завтра». Это эскизный очерк того будущего, в стремлении к которому российское общество способно составить сильную и широкую модернизационную коалицию. Одно из главных мест в документе уделено внешнеполитической стратегии. Позволю себе достаточно большую цитату по этой теме.

Я цитирую наш документ: «Основные цели внешней политики будущей России постоянно ориентируются на формирование внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития страны. Ключевым условием достижения этой цели страна считает: сохранение мира, мирное разрешение возникающих межгосударственных проблем и противоречий, недопущение конфронтации с какими то ни было крупными международными игроками, при избегании односторонней зависимости от них. К числу приоритетных направлений внешней политики России по-прежнему относятся обеспечение безопасности, глобального признания нашей страны, как одного из мировых лидеров, суверенитета, а также дальнейшая интеграция в мировую экономику.

В отношениях России с внешним миром актуальными остаются такие задачи для конструктивного взаимодействия, как предсказуемость, максимально возможно правильное понимание интересов и намерений сторон, готовность и способность рационально и конструктивно вести диалог друг с другом».

Конфронтация стала для нас недопустимой роскошью и в этом можно видеть определенное конкурентное преимущество перед теми мировыми игроками, которые такую конфронтацию пока что могут себе позволить. Рано или поздно жизнь принудит всех без исключения к кооперации сотрудничества как к единственному методу достижения успеха на международной арене. Придется переигрывать интеллектам, а не Hard Power. В свете этого скажем, ослабление европейской экономической мощи, о которой так много говорится в последнее время, должно интересовать Россию, но ровно настолько, насколько оно может стать побудительной причиной для активизации партнерства с Европой.

Имеет ли перспективы стратегический союз Россия и ЕС? Опыт последнего десятилетия в этом плане противоречив. Во всяком случае, для такого союза имеется и историческая база, и актуальные цели взаимодействия. Нас объединяют цивилизационные подходы и многовековой опыт торгово-экономических связей. Перед нами вырисовываются вполне содержательные и разрешимые задачи – формирование общего энергетического пространства, создание рынка транспортных услуг, совместная разработка и обеспечение продаж в глобальном масштабе технологий, продукции услуг в наиболее передовых секторах экономики.

Хочу отметить, что в своем выступлении посол РФ ровно это сказал и очень убедительно показал на примере российско-латвийского сотрудничества. Именно эти направления нам важны и мы их реализуем, не смотря на некоторые противодействия некоторых кругов интересов.

На прошлогоднем саммите Россия-ЕС в Стокгольме родилась идея двусторонней программы партнерства для модернизации. Недавно наш министр иностранных дел говорил об отношении к такому роду кооперациям, обозначил некую осторожность. Он оговорил стремление поставить во главу угла конкретные практические значимые направления сотрудничества. Однако сам перечень предпочтений, обнародованный Сергеем Лавровым, практически всеобъемлющий. Тут и развитие экономики, и социальные сферы. Цитирую: «...образование, науки, технологии, инновации, управление, администрирование и правоприменение». Знаком готовности ЕС к самой широкой работе стали в свою очередь тезисы российской модернизации, которые были разработаны в Брюсселе и активно обсуждались в Москве в последние месяцы. Определяя характер и границы необходимого плацдарма для модернизации, они включают в себя и создание благоприятного инвестиционного климата, и полномасштабное присоединение к глобальной экономике, и верховенство права, и диалог с гражданским обществом, и борьбу с коррупцией, и российско-европейское сотрудничество в области науки.

Есть ожидания, что после Ростовского саммита Россия-ЕС, который скоро пройдет, можно будет говорить о полноценной включенности ЕС в процессы российской модернизации. Это взгляд оптимиста, конечно. Есть уверенность, что для этих процессов такое участие способно стать важным катализирующим фактором. Это объективный взгляд.

Впервые в истории Российской Федерации и России Советского Союза у нас в правительстве возник пост первого вице-преьера по интеграции. Имеется в виду именно интеграция с ЕС. То, чем сейчас Игорь Шувалов в настоящий момент занимается, это, даже при всех сложностях создания нашего таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, создание такого союза по лекалам ЕС, о чем он официально заявил партнерам по таможенному союзу в Брюсселе и на недавнем съезде

российских промышленников и предпринимателей. Т.е. Россия официально заявила и подкрепила это решениями, интеграцию как курс.

Выстраивание стратегического партнерства России и США также в малой степени, с моей точки зрения, зависит от изменения экономического потенциала США. Мы прекрасно понимаем, что на обозримую перспективу это крупнейшая экономика мира, но даже, если она ослабнет, так или иначе, это сотрудничество, стратегическое партнерство России и США должно наращиваться через усиление акцентов на развитие торгово-экономических деловых связей, через заключение договоренности в области военно-стратегической стабильности на глобальном уровне, через построение новой системы европейской безопасности, через совместное противостояние мировому терроризму и экстремизму.

Российско-американский диалог по постепенному сокращению стратегических ядерных вооружений способен вновь стать, как это было, несущей конструкцией отношений двух великих держав и стабилизатором международной политики в целом. Одновременно в увязке с этим диалогом возможна активизация сотрудничества по совместным программам противоракетной обороны. Возможно, надо начинать диалог и по нестратегическим ядерным вооружениям.

Разумеется, все это не отменяет задачу встраивания в обновленную реальность международных отношений. Россия и США, наряду с Японией и Китаем, это и стороны будущего тихоокеанского четырехугольника. Смещение центра тяжести глобального экономического развития в азиатский тихоокеанский регион и возвышение Китая, меняют и будут менять привычную систему международной безопасности сконструированного на трансатлантической проблематике. Тихий океан действительно постепенно превращается в Средиземное море 21 века. Диалог между указанными четырьмя странами по проблемам тихоокеанской глобальной безопасности будет определять основные характеристики взаимодействия в регионе, дополняя общеевропейскую архитектуру безопасности. И в этом, если Россия проявит максимум гибкости и интеллекта будет ее передовая роль на Евразийском пространстве.

Таковы главные контуры российской грани будущего мира. У нее есть своя специфика, как уже было сказано. Но думается, что в долговременной перспективе именно такая специфика способна гарантировать адекватность внешнеполитической стратегии реалиям нового века и адекватность ее экономическому преобразованию страны. Спасибо за внимание».

Посол Ханс-Фридрих фон Плётц (Германия)

«Тема форума очень интересна и вдохновляющая, потому что вы хотите говорить о глобальной политике после кризиса. Хорошая новость в том, что это предполагает, что кризис закончился. Я хотел бы разделить ваш оптимизм, но я не уверен в том, что кризис не продолжится или не возобновиться снова в середине будущего года.

Игорь Юргенс говорил о переменах в геополитике. Он объяснил, что многие тенденции не являются новыми, но они усилились. Я попытаюсь развить эту тему и скажу, что есть много людей, которые считают, что происходят перемены в позиции США, которые теряют свою значимость. Однако я не вполне уверен, что это мнение обосновано. Ни экономически, ни финансово, ни в военном отношении этого не происходит. Но будут другие, кто войдет на этот уровень мирового лидерства. Я думаю, Китай и Индия, которые постепенно догоняют США, они становятся сильнее экономически и это неизбежно со временем приведет к каким-то политическим последствиям.

В этом контексте я хотел бы с вами обсудить предложение президента Медведева о новых переговорах по системе европейской безопасности. Существуют разные взгляды на это предложение, о его мотивах. Некоторые говорят, что это попытка ревизионизма

пытающегося снова вернуться к установлению и разделению зон влияния в Восточной Европе и Центральной Азии в числе других регионов. Российский институт проанализировал эту ситуацию и достаточно убедительно, что они фокусируются на жесткой политике. Я должен сказать, что это первое развернутое предложение по безопасности, которое было сделано РФ со времени ее возникновения.

Мы обсуждали этот проект в экспертной группе, которая должна была подготовить концепцию новой стратегии НАТО. В группе 28-ми стран, которые являются членами НАТО, был представлен достаточно широкий спектр мнений и взглядов. Что не проявилось в большинстве реакций со стороны Запада, это следующее – важно понять каковы соотношения между глобальными тенденциями геополитики, особенно имея в виду Китай, и предложений Медведева. Почему он сосредоточился не на глобальной безопасности, а на европейской? Я думаю, нам необходимо признать, что возможно имелось в виду, прежде всего, определить место России в отношении к другим странам Европы или другими словами, он хотел подчеркнуть идентичность российской цивилизации как европейской. Есть некоторый разрыв в ценностях, о нем уже говорили. Но я бы сказал, если сравнить ЕС, НАТО и Россию, с одной стороны и Китай, Россию и НАТО, с другой стороны, то там разрыв гораздо больше. Итак, хорошая новость в том, что Россия определяет свою цивилизацию как часть европейской культуры.

Как и где мы в Европе видим Россию? Возможно она уже не сверхдержава, как в советские времена, однако она по-прежнему остается мощной страной, и в военном отношении тоже. По крайней мере с точки зрения Европы и Азии, Россия необходима партнер и определенно желаемый партнер в работе по разрешению конфликтов, в том, что касается Средней Азии, Ирана, Пакистана, Северной Кореи и вообще партнер в решении глобальных угроз.

Не смотря на все различия во мнениях, партнерство и сотрудничество с Россией абсолютная необходимость и интегрировать Россию в стратегическое партнерство было бы также в наших интересах.

Я считаю, что август 2008 года это низшая точка отношений между Западом и Россией. Надеюсь, что она осталась позади. Я полагаю, что все извлекли из этого уроки.

Когда мы начали думать в группе НАТО, с какими вызовами мы сталкиваемся, с какими проблемами и тенденциями мы столкнемся в ближайшие 10 лет, мы особенно часто обсуждали Россию. Москва была единственной столицей вне союза, которую мы посетили с визитом и у нас были определенные цели – мы хотели уточнить наше взаимное отношение с Россией и затем положить это уточненное понимание в основу дальнейшего сотрудничества.

Возможно, вы видели наш доклад. Мы не скрываем, что разногласия существуют между нами и Россией. Группа экспертов была послана в разные столицы стран НАТО. Я был вместе с сегодняшним министром иностранных дел Латвии в трех Балтийских странах и в Польше. Было две тенденции противоречащих друг другу. С одной стороны, правительства этих стран, а они соседи России и имеют свой собственный взгляд на отношения с ней, подчеркивали, что благодаря их членству в НАТО и в ЕС их страны имеют беспрецедентный уровень безопасности теперь, которого никогда не было раньше в их истории и это хорошо. Они также присоединились к нашей оценке в том, что Россия не представляет угрозу НАТО, и также согласились, что вероятность военного конфликта относительно не велика. С другой стороны, они подчеркнули, что у них иногда возникают трудности в понимании того, как Россия формулирует свою будущую политику и перспективу. Они подчеркивали, что необходимо очень серьезно относиться к пятому пункту договора НАТО о совместной защите стран НАТО в случае вооруженного нападения на одну из стран. Т.е. они хотят большей уверенности. Но опять таки они говорят при этом, что никто больше нас не заинтересован в продуктивном и стабильном сотрудничестве с Россией.

Итак, мы предложили НАТО в качестве будущей стратегии в отношении России обеспечить уверенность в безопасности стран-членов НАТО и «необходимость в построении системы безопасности, которая включает в себя сотрудничество с Россией». Это цитата из доклада. Т.е. дверь открыта для нее на всех уровнях.

Сообщив вам о наших выводах, я должен сказать, что мы осознаем, что эпоха перемен на европейском пространстве не закончилась. Прекрасное свидетельство этому, когда мы говорили с официальными лицами России о НАТО, нас разочаровали их взгляды. Восточное расширение НАТО, по их мнению, это угроза. Во-вторых, они не приветствуют готовность НАТО принимать на себя решения новых задач на территориях, выходящих за пределы НАТО. НАТО, как они считают, принимает на себя функции ООН. В-третьих, по их мнению, что НАТО и США это одно и то же, отношения между Россией и НАТО не могут быть лучше, чем отношения России и США. Это довольно разочаровывающая оценка существующего положения дел.

Я надеюсь, что кризис повлияет на осознание того, что полагаться исключительно на нефть и газ, экспорт полезных ископаемых, это не модель современного конкурентоспособного общества. Это на самом деле является основной угрозой для будущего России.

Если Игорь Юргенс говорит, что нужна интеграция, нужно партнерство, сотрудничество для того, чтобы разрешить внутренние проблемы, я бы сказал, что кто же еще будет вашим партнером, если не ЕС, США, Канада, НАТО? Дело обстоит именно так. Есть хороший анализ ситуации, есть доброжелательное отношение со стороны НАТО. Я уверен, что и в ЕС согласятся с выводами нашего доклада. Сейчас ситуация не так плоха. И я полагаю, что кризис помог нам лучше осознать некоторые основные моменты в наших отношениях. Спасибо!».

Игорь Юргенс: «Проект Договора о европейской безопасности, который предложил президент Медведев, во-первых, мы не включили Китай лишь потому, что полагались исключительно на Хельсинский акт. «Хельсинский акт +» - так мы воспринимаем идею этого нового соглашения региональной безопасности. Мы не хотели никак приуменьшить роль НАТО, поверьте мне.

Второе, вопрос о ценностях. Я бы сказал, что мы приближаемся к этой ситуации. Есть страны-члены, такие как Румыния, Болгария, Латвия, мы имеем общие ценности с ними. Я не думаю, что среднестатистический россиянин, болгарин, латыш, румын имеет какие-то отличающиеся ценности. Я много лет сотрудничаю с бизнес-сообществом Латвии, действительно у нас общие ценности, может быть, они немного отличаются, потому что есть различные системы регулирования, но все это можно упорядочить, когда раздадутся сигналы с верхних эшелонов власти. После 1917 года все изменилось в России, наши глобальные интересы, наше единство с нашими братьями-пролетариями – Германией, США, а капитализм это наш враг, такая была установка с 1917 года. Но после 20-ти лет капиталистического развития в России, наши ценности совершенно изменились. Кроме этого есть еще и идентичность россиянина, но об этом завтра».

Посол Ричард Берт, ведущий директор «McLarty», бывший заместитель государственного секретаря, посол США в ФРГ, главный переговорщик по вопросам контроля вооружений

«В своем выступлении я коснусь некоторых моментов, которые уже затронули другие ораторы сегодня. Начну с того, о чем говорил г-н Юргенс, достигли ли мы такой точки в международных отношениях, которые имеют чрезвычайное значение. Я думаю, что никакой особой чрезвычайности нет, хотя есть определенные фундаментальные перемены в международной экономике, в международной политике. Но все это

развивалось медленно и мне кажется, что только сейчас психологически мы начинаем признавать, что произошли основополагающие перемены. Сейчас мир иной, не такой как был 10 лет назад. Я думаю, что мы достигли определенной поворотной точки в международных отношениях. Возможно, что это самая главная точка после окончания Холодной войны. Думаю, что сейчас мы вступаем в новую геоэкономическую эру.

Некоторые старые правила и регулятивные нормы старой геополитической системы уже не имеют значения. Мы перешли от биполярного мира к многополярному миру. Но воздействие определенных глобальных сил тоже изменилось. Экономический потенциал сейчас гораздо более важен, чем это было в прошлом. А военная мощь, по крайней мере для крупных держав, может быть, уже имеет не такое значение как раньше. Собственно, идея ядерного противодействия, которая была одной из главных позиций в период Холодной войны, сейчас уже практически потеряла свою актуальность. Г-н Плетц в своем выступлении сказал и я с ним согласен, что идея завоевания территории больше не является жизнеспособной альтернативой развития для крупных держав.

Реальные проблемы и угрозы, с которыми мы сталкиваемся в геополитическом смысле в эту новую эпоху не обязательно возникают от крупных, сильных стран, а скорее от стран, которые приближаются к критической точке своего развития, от слабых стран, которые угрожают своим соседям, от террористических группировок, которые действуют и на Северном Кавказе и в других нестабильных регионах мира. Эти проблемы нам надо решать сегодня. Таким образом, мы сталкиваемся с новыми вызовами геополитического свойства в тоже время, когда на арене появляются новые сверхдержавы – страны БРИК, Бразилия, хотя источники экономического развития у них совершенно иные. Есть и второй ярус стран, которые начинают играть активную роль в международных отношениях. Для меня их важность подчеркивается событиями недельной давности, когда премьер-министры Турции и Бразилии приехали в Тегеран для того, чтобы провести переговоры по соглашению о высокообогащенном уране.

Мы не просто живем в эпоху, когда есть страны «Большой двадцатки», страны экономической мощи, т.е. это уже не «Большая семерка» и не «Большая восьмерка», но мы живем в политическом мире, на который оказывается большое влияние странами «Большой двадцатки» и другими странами, которые будут занимать более важную политическую позицию, что создает уже более неупорядоченный мир, чем тот, в котором мы привыкли жить в последние 20 лет. Если я прав, если это действительно так, что мы сейчас переходим к миру «Большой двадцатки» возникает вопрос – каковы же будут правила игры, когда будет большее количество стран, которые все больше будут преследовать цели, отличающиеся от целей других стран, входящих в эту двадцатку. Будут ли какие-то общие правила для всех, для того чтобы заниматься вопросами международной торговли? Сможем ли мы сохранить режим свободной торговли, сопротивляться угрозам протекционизма? Сможем ли мы продолжить укреплять правила суверенности, невмешательства в дела других государств? Будет ли процесс экономической глобализации, который в определенной степени является движущей силой всего этого нового процесса – изменений международной архитектуры? Будет ли защищена сама по себе глобализация через процесс экономической интеграции или она начнет разваливаться? Когда мы будем думать об этой угрозе развала глобализации? Чем это может обернуться и какие противодействующие силы мы можем задействовать для интеграции? Т.е. это такой ухабистый регионализм, так можно себе представить будущее, когда большие сверхдержавы отступят от своей доминирующей роли на региональном уровне, тогда будет более неурегулируемая ситуация. Например, если посмотреть на азиатский регион, мы видим, что роль военной мощи Китая начинает угрожать присутствию военных сил США в этом регионе и это пугает соседей Китая. Роль Индии в этом регионе, ее увеличивающая военная мощь, будет ли Индия, базируясь на инновациях, новых экономических прорывов в области новых технологий, все больше воспринимать себя как региональную сверхдержаву, которую окружают опасности, представленные

опасностью мусульманскими экстремистами. Роль Бразилии, Южной Америки тоже очень интересна. Сейчас Бразилия все чаще видит себя в некоем противоречии с другими странами в регионе Латинской Америки.

Конечно, все это поднимает вопрос о будущей роли России в этом регионе. У нас у всех есть своя роль в процессе глобализации. Это поднимает вопрос и о роли Германии. Доминирующая роль Германии в экономике ЕС, которая дает треть ВВП ЕС... вполне допускает некое раздражение в отношении плохой дисциплины среди других стран участников ЕС. Мы можем это понять, учитывая кризис в Греции и желание Германии видеть эти страны гораздо более ответственными. Тем не менее, почти 50% экспорта Германии направляется в страны ЕС и если они ужесточают свою экономику для Германии, будет сложно наслаждаться плодами того механизма экспорта, который они создали за последние годы и которыми они пользуются. Для самой Германии это тоже создаст определенные экономические сложности. Безусловно, ЕС будет продолжать функционировать не только как экономический двигатель, но и как политический. Роль ЕС как политического двигателя будет выгодна для Германии в сотрудничестве с такими странами, как Франция.

Есть целый ряд вопросов, которые стоят перед США. Например, невозможность соблюдать определенную дисциплину и политическое лидерство так, как это делают в Германии. Не всегда США могли принимать жесткие решения и выполнять их и это очевидно в последнее время, что имеет критически важное значение и ставит серьезный вызов перед США, если США хочет сохранить роль лидера в мировой ситуации.

Перед Россией стоят очень сложные задачи. Игорь Юргенс говорил о необходимости диверсифицировать российскую экономику. Я слышал выступление президента Медведева три недели назад в Вашингтоне, когда он там находился с визитом, он тоже говорил о модернизации российской экономики. Это крупнейший вызов, стоящий перед Россией, руководством РФ. Мы должны быть готовы содействовать России, например, вступление в ВТО. Мы должны быть готовы помочь России интегрировать свою экономику с европейской экономикой и в Евроатлантическом пространстве, на международном уровне. Это действительно очень важно и имеет значение для идентичности России. Россия заинтересована в создании прослойки среднего класса, который динамично бы развивался, получал бы лучшее образование, лучше боролся бы с коррупцией, был бы лучшей поддержкой правительству, был бы уверен в будущем не только для себя, но и своих потомков. Мы, безусловно, тоже заинтересованы в этом и это заполнит те пробелы ценностей, которые мы еще не все разделяем.

Таким образом, мы являемся свидетелями перемен, но это не касается фундаментальной архитектуры международных отношений. Мы говорим об изменениях в тех практических подходах, которые мы используем для того, чтобы поддержать наши национальные интересы, также изменения в ментальности, которая позволит нам ставить во главу угла ситуацию, когда все остаются в выигрыше в международных отношениях.

Я хочу поздравить своих российских коллег, когда мы встречались в Стокгольме, мы узнали о российско-норвежском Соглашении об арктическом шельфе, где норвежский участник сказал, что никогда и не мечтал о таком соглашении, где бы обе стороны получали по 50% тех выгод и благ. Т.е. они разделили этот шельф поровну. Это действительно ситуация, где две стороны остаются в выигрыше и это очень важное развитие событий и важное изменение ментальности. Если бы смогли побудить все страны, не только Россию, но и мою страну, после восьмилетнего правления Джорджа Буша, если бы мы могли отойти от того, к чему мы привыкли, мы могли бы избежать, таким образом, разделения мира на зоны влияния. Спасибо».

Игорь Юргенс: «Я хочу сделать замечание о регионах и глобализации. Я думаю, что это очень важная и интригующая тема. Хочу высказать одну мысль. Например, народ Санкт-Петербурга, средний класс, возможно, они будут думать, что их дети могут на машине поехать в Финляндию и встретить там рождество, но совсем не будут думать о том, что происходит во Владивостоке. Баски будут думать о том, что делают испанцы, но мало будут думать о том, что происходит в Страсбурге. По крайней мере таков мой опыт общения с людьми. Центральные власти должны мыслить масштабно и глобально, иначе отдельные регионы будут задыхаться, заниматься феодального рода войнами. Т.е., с этой точки зрения, регионализация неизбежна, потому что она соответствует желаниям людей, но власти должны мыслить гораздо шире, они должны исполнять функции такого мирового правительства, которое когда-то возникнет, потому что есть недостаток ресурсов, есть вызовы глобального масштаба, есть проблемы со средой, с изменениями климата и все эти проблемы придется решать именно на таком уровне».

Леонид Григорьев, Президент фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия)

«Я хотел бы начать с того, на чем закончил господин Берт, с российско-норвежского соглашения. У нас несчастная история нашей страны и важный факт, что норвежская граница у России, это единственная граница, которая не менялась со времен Ивана Грозного. Теперь мы окончательно с ней закончили.

Хотя от экономистов всегда ждут прогнозов, но экономисты любят цивилизационные проблемы. Пару слов о цивилизации. По-моему, в Европе и в США не понимают сущности российского школьного образования. В четвертом классе учат Египет, Рим, Греция...и так последовательно – Вальтер, Мартин Лютер, французская революция. Мы учим европейскую историю намного интенсивнее, чем в США и других странах, но в ряде случаев интенсивнее, чем историю всех европейских стран в целом учат в Европе. Дон Ки Хот, Шпигель, Шекспир...обязательно входят в российскую школьную программу, мы европейцы по обучению, по жизни и по менталитету. Хотя в последние годы приходилось это объяснять, для нас самих это очень странно.

Вернемся к кризису. Конечно, правительства и СМИ всегда оптимистичны перед кризисом и после кризиса. У нас у экономистов тяжелейшая ситуация, мы слишком много знаем и на нас лежит определенная ответственность. Когда правительства говорят, что все замечательно и кризиса не будет, мы выходим с мрачными лицами и говорим правительству, что нет, сейчас будет кризис, будут большие неприятности и надо готовиться, нам говорят, что мы мешаем работать и портим у всех настроение. Мы выходим тут же на телевидение и журналисты требуют от нас тяжелого кризиса, мы говорим, нет, обойдется, будет тяжело, но обойдется. Тогда журналисты говорят, ну что же вы врете, вы только что правительству говорили, что будет тяжело, а мы говорим, что есть ответственность экономиста, психологическое состояние общества важно, поэтому не можем ухудшать это настроение. То же самое происходит сейчас. ОЭСР публикует прогноз, от которого просто хочется заплакать от счастья, хотя понятно, что он просто невозможен. Появилась масса людей, которые прогнозируют мгновенное recovery.

Давайте посмотрим на объективные данные. Промышленному производству США еще надо пройти 8% назад до предкризисного уровня. Обычно, это процент в месяц. Т.е. это будет не раньше 2011 года. Президенту Обаме предстоят тяжелые выборы осенью. В ЕС в ядре минус 12%, как и в России, это еще идти и идти. Безработица тяжелая. Мы находимся в той стадии экономического кризиса, когда испуг от опасности обрушения банковской системы прошел, опасность второго грандиозного падения, кажется, прошла. Хотя вдруг появляется исландский вулкан и все парализует. Только закончился вулкан, в мексиканском заливе лопнула труба, трубу починили, в Греции почти дефолт. Ну, дайте же какие-нибудь хорошие новости, так невозможно жить. Общество, люди и фирмы должны выходить из кризиса. Я не могу заткнуть вулкан и трубы. Но в смысле экономики мы сейчас обсуждаем выход из кризиса.

В частности для России это колоссальная проблема найти свой путь из кризиса. Да, человеческий капитал у нас на 90% европейский, нефтегазовые ресурсы на 90% азиатские. Эта тяжелая борьба между ними нецивилизационная и не по ценностям. У среднего класса россиян, включая те пару млн., которые живут в Европе и США, у них нет никакой разницы по ценностям. Но структура общества, бедность, тяжелейший кризис, он, конечно, создает проблемы и из него надо постепенно выходить, тем более, это проблема российской энергетической машины, потому что она создавалась не для коммерческих целей. Мы россияне никогда не принимали решения, что при населении 2% с небольшим мира и ВВП 2% с небольшим, мы будем производить 11,5% мировой первичной энергии. Германия потребляет 2,8%, мы производим четыре объема потребления Германии, которая треть ВВП Европы. 2% мы потребляем сами, но производим 4 млн. тонн алюминия на экспорт и т.д., два объема потребления Германии мы небедно экспортируем – треть газа, треть угля и треть нефти. Поэтому мы теперь прикованы к этой машине и должны ее все время смазывать. Весь мир вкладывает 1% валовой энергетики, мы вкладываем 4,5%. Если у нас норма накопления в этом году 17-18%, минус 4% на энергетику, у нас остается только 13-14% на модернизацию. У нас колоссальные проблемы модернизации. Это не цивилизационный выбор, мы внутри у себя все давно выбрали в 4 классе. А вот условия жизни и перестройка общества, модернизация государства, общества и экономики на современное, это колоссальная проблема.

В этом смысле мне хотелось бы предупредить, что вы видите, что 2010 год уже идет тяжело, что не выборы – смена правительства, угрозы тех или иных кризисов. Будем надеяться, что не будет греческого кризиса, потому что он затормозил бы мировое recovery, мировой подъем еще на пол года. Если мы его переживем, тогда я с большим оптимизмом смотрю на будущее, потому что любые долговые проблемы уже 2011, 2012 года на общем подъеме будет легче перенести. В тоже время, основная проблема для стран в кризисе, это баланс между правительственными стимулами к росту – и банковскими, и минфиновскими, и налоговыми, и фискальными, их надо сокращать, надо выходить из бюджетных дефицитов, надо выходить из долгов, а одновременно мы не можем остановить стимулы для подъема. Поэтому эта борьба между стимулами и необходимостью к возврату к макроэкономической стабильности – это колоссальная проблема для Латвии, для России, это и для США колоссальная проблема и даже для Германии, потому что кто теперь соблюдает Маастрихтские нормы, теперь это мечта еще на 5-10 лет достичь их снова.

2010 и 2011 год будут очень тяжелые, потому что на фоне медленного подъема, усталости людей, фирм от кризиса, может быть большая социальная экономическая напряженность. Я призываю к осторожности в оптимизме. Это то самое время, когда политики могли бы дать фирмам и людям хорошие новости и возможность работать в послекризисных условиях без того напряжения, которое было в кризис или перед кризисом. Экономические новости придут, если общая обстановка, в том числе и политическая, будет более благоприятная. Спасибо».

Абрам Клецкин, Председатель Национального Совета по радио и телевидению, чл. Правления «Балтийского Форума» (Латвия)

«Кажется, что мы не совсем осознаем в мире до сих пор самое капитальное противоречие между пониманием, что надо идти вперед и психологией «хватать себе». Та самая старая истина, которая идет от английской традиции – нет друзей, нет врагов, есть только интересы, в глобальном мире означает, что и решение интересов не может быть частным, сепаратным, не может быть за счет других, а только вместе с другими.

Посмотрите сейчас внимательно на любые новостные выпуски каждый день, вы услышите очень разумные общие рассуждения и абсолютно эгоистичное, ориентированное на собственную выгоду частное реальное решение.

Тут говорили о конце Холодной войны и о переходе в новое состояние. У меня такое впечатление, что как раз этот кризис показал, что мы во всем переходим в новое состояние, кроме общего психологического даже не на сознательном, а на подсознательном уровне. В этом смысле никуда нельзя двинуться. Мне кажется, что пока постоянно видны факты недоверия и нежелания принимать чужие решения. Я понимаю, что это выглядит интеллигентским разговором, но с другой стороны, это суть проблемы. То, о чем говорил г-н Григорьев о людском настроении и прочем, это самое настроение существует не только на уровне среднего класса, а на уровне общих политических разговоров, общих политических договоров, которые прерываются время от времени таким российско-норвежскими договором и еще какими-нибудь конкретными вещами. Я не знаю, экономисты ли это могут решить, в любой политике ли это могут решать, но вопрос, который все равно остается сейчас открытым - может быть главным препятствием является, что мы, понимая, что живем в глобальном мире, решаем проблемы как частные?».

Посол Ричард Берт: «У меня очень краткое замечание в ответ на комментарий г-на Григорьева о кризисе. Кризисы – это не всегда плохо. Как гласит старая поговорка – то, что заключенный знает, что его на следующий день повесят, позволяет ему сосредоточиться на чем-то. Так и экономический кризис. Мне интересно, что власти сейчас начинают действовать, начинают принимать меры, которые они должны были принять много лет назад, именно потому, что они находятся под страшным давлением. Это не просто экономическая политика. Это приводит к изменениям в политической культуре стран, например, в случае с Грецией это именно так, с моей точки зрения, - наконец греки начнут платить подходящий налог. Или что мы видим в Великобритании – желание нового правительства пойти на очень существенные сокращения расходов, что в прошлом было политически невозможным. Когда британский премьер-министр объявлял об этих сокращениях, он сказал, что большая часть членов кабинета министров больше не будет иметь служебных машин с шофером. Я думаю, что это очень сильный сигнал.

В случае России, по-моему, не подлежит сомнению, что сейчас российская экономическая политика, направленная на диверсификацию и модернизацию, это результат некоторых реалий, которые осознали российские лидеры, в частности тенденцию цен на энергию. Они сейчас поставляют сжиженный газ в Европу по более низким ценам, нежели оговорено в долгосрочном контракте Газпрома и Европы. Я полагаю, что это сигнал того, что они поняли, что нельзя полагаться только на газ и нефть, думая об экономических переменах.

У меня есть друг в Москве, он известный бизнесмен и хороший экономист, он сказал мне, что сегодняшний российский бюджет исходит из цены 99\$ за баррель нефти, а когда она меньше, то расчеты оказываются неоправданными.

Кризис заставляет политиков, которые часто самодовольны и инертны, принимать нужные решения и в долгосрочной перспективе это поможет. Я уверен, что многие экономисты сказали бы, что кризис это хорошо, если происходит правильная регуляция».

Вопрос из зала: «Вопрос к Игорю Юргенсу. В докризисное время европейские политики очень часто затрагивали тему о том, что российская демократия не соответствует евростандартам, поэтому ее надо всячески совершенствовать. Сейчас эта тема отошла на второй план из-за того, что экономика более важна или это какая-то глобальная тенденция, которая вообще будет дальше укрепляться?».

Игорь Юргенс: «Не только западные, но и мы сами, в частности наш институт, мы не вполне довольны уровнем демократического развития, хотя понимаем, что гигантский шаг вперед совершен по сравнению с 1990-1991 годом, и конституционно и законодательно. У нас четыре парламентских партии, у нас довольно значительная свобода печатных СМИ, некий контроль над электронными, но мы сами неудовлетворены некоторыми аспектами развития отечественной демократии.

Я согласен, что дискурс несколько сместился после кризиса, но я в своем выступлении сказал, что, тем не менее, нюансы остаются. Если мы говорим о партнерстве ради модернизации с ЕС, то мы напираем на экономическо-технологическую часть, ЕС не забывает о тех самых ценностях и демократии гражданского общества и свобод, которые Россия должна развивать.

В этой части конкретно я поддерживаю неэкстремистские заявления Main Stream ЕС о том, что давайте развивать эти свободы. Их поддерживает президент Медведев. Он выступил со своей «Программой десяти шагов», которая направлена на постепенное нереволюционное, а эволюционное развитие демократии в России - представительства партий, не прошедших 7% рубеж в Думе и в Законодательных собраниях регионов, постепенное развитие выборных начал самоуправления в регионах и в губерниях и т.д. Своим личным поведением и общением с гражданским обществом, правозащитниками и оппозиционной прессой, он дает пример тому, как эволюционно демократия может развиваться, не являясь препятствием для развития отношений с ЕС».

Вопрос из зала: «Кажется, что один из важных вопросов в этом контексте конференции, это европейское будущее. В ЕС достаточно много государств, которые связаны не столько с плохой финансовой дисциплиной, но и с фундаментальными, монетарными проблемами. Этот вызов действительно соответствует названию конференции. У меня скорее не вопрос, а пожелание – в будущем более глубоко рассмотреть эту проблему».

Игорь Юргенс: «ЕС предпринял историческую политическую попытку создать первую в мире долгосрочную успешную интеграцию, проигнорировав экономические законы. Экономические законы говорят о том, что интеграция будет успешной только тогда, когда ее составные части обладают более или менее сопоставимым уровнем экономического развития. Это означает, что первые 15 стран, интегрировавшиеся в ЕС, действовали по экономическим законам, остальные 12 – не по ним, а в результате политической воли 15-ти. Сейчас ЕС пожинает плоды нарушения экономических законов, потому что экономика Греции, Румынии, Латвии, ряда других регионов не соответствует уровню развития Германии, Франции, Италии, Великобритании, Швеции и т.д. Раз нарушили закон для политической благой цели интеграции, которой я лично аплодирую, продолжайте нарушать в дальнейшем, но платить политическую цену. Это ровно то, что г-н Берт сказал в своем выступлении – немцам при понимании, что они открыли для себя значительные рынки, надо сейчас пока платить за выравнивание уровня развития греков, румын и за перетренировку их ценностей, потому что ценности греков, безусловно, отличаются от ценностей шведов, и Маастрихт для греков - да что-то слышали, но как жили, так и будем жить. Придется переиначиваться. Но это политическая воля, в соответствии с ней будет жить ЕС, я желаю ему всего самого доброго».

Пол Сондерс, исполнительный директор «Центра Никсона» (США)

«У меня короткий комментарий в отношении американских высказываний о российской демократии.

Первое, администрация США уменьшило количество критических замечаний в адрес России, это, безусловно, сигнал о желании улучшить отношения США и России. Но есть определенные противоречия. Вы знаете, что сенатор Маккейн и другие представители администрации критически относятся к этим новым попыткам.

Второе, это попытка провести различие между тем, что говорят в администрации и тем, что происходит в практической реальности. Есть две практические реальности, которые сдерживают успешное развитие отношений России и США – во-первых, это восприятие общественности США того, что происходит в России и как это отражают СМИ, это отражается и на действиях конгресса, когда необходимо принимать решения на уровне конгресса о соглашениях между США и Россией; во-вторых, это главенство права, этот принцип влияет и на экономические отношения США и России. Действительно, эти отношения недоразвиты с точки зрения потенциального масштаба».

Дов Закхайм, первый вице-президент Booz Allen Hamilton (США)

«Несколько слов о реструктуризации ЕС. Я не думаю, что ошибкой ЕС было само по себе расширение, я думаю, что ошибкой было расширение Еврозоны в том масштабе, в котором это произошло. Я думаю, что г-н Камерон очень счастлив, что Великобритания сейчас не является частью Еврозоны. Дело в том, что есть целый ряд стран, которые были приняты в Еврозону и никто не ожидал, что они создадут такую головную боль для Еврозоны, например, Испания, никто пару лет назад не мог предсказать, что это станет проблемой. Здесь есть два возможных развития событий: 1) возможно некоторые страны выйдут из Еврозоны, к облегчению Германии и других стран, что было бы логичным; 2) движение после Лиссабонского соглашения приостановилось, потому что совсем недавно интеграция поддерживалась и даже несколько навязывалась Лиссабонским договором, но этот первый реальный кризис в ЕС, который заставил пересмотреть эти движения. Поэтому надо задуматься и задать себе вопрос – насколько далеко мы хотим продвинуться - до того, когда придется опять что-то радикально менять, в том числе и Еврозоны. Надо задуматься, каким образом мы будем осуществлять наше дальнейшее развитие».

Панельная дискуссия 2: Новые модели и цели глобальной политики

Фрейзер Камерон, директор центра «ЕС–Россия» (Бельгия). **Модератор**

«Мы будем говорить о характеристике глобальной политики сегодня, каковы новые модели, картины политики, о движущих силах, об увеличении роли военных доктрин, о новых правилах игры и целях, как мы бы хотели изменить системы мирового управления, какую роль играют различные стороны, о геоэкономических доминантах».

Дов Закхайм, первый вице-президент Booz Allen Hamilton (США)

«Во-первых, США сейчас относится к миру совершенно иным образом. И это началось с первой войны против Ирака, с 1991 года, когда была создана коалиция. То, что происходит сейчас, очень напоминает ту коалицию желающих, все те, которые хотят участвовать, они могут вступать в коалицию, не только в военную коалицию, но и в финансовую. Если вы помните, в 1991 году на первую Иранскую войну были покрыты не Америкой, а Японией, Саудовской Аравией и др. странами. Я работал в Пентагоне по этим вопросам относительно Афганистана. У нас была иная ситуация. Первый этап военных действий в Афганистане это была коалиция многих желающих стран. В Ираке в отношении военных и финансовых усилий было мало желающих. Поэтому это одна из перемен в политике. Конечно, мы понимаем, что коалиция – это необходимое условие

для того, чтобы решать определенные проблемы. Попробуйте принять какие-то санкции без участия США или провести еще какие-то изменения, это обязательное условие – заручиться поддержкой США.

Во-вторых, вся концепция геэкономике. Конечно, мы не можем сказать, что государства теряют свои чувства суверенности, независимости и уступают праву каких-то глобальных решений. Есть целый ряд стран, которые очень озабочены вопросами своей суверенности и членством в ЕС и НАТО. Но с другой стороны, США больше не может диктовать миру. США, безусловно, является крупнейшей экономикой в мире. Кроме этого, способность Америки реагировать на такие вещи, как финансовый кризис, гораздо лучше, чем в ЕС, потому что суверенность в ЕС зависит от желания стран-членов. Америка имеет экономическую мощь и способность решать и реагировать на острые проблемы. Мы считаем, что доллар еще много лет будет оставаться резервной валютой.

Сказав все это, вернусь снова к коалиции государств, желающих участвовать в военных операциях. Думаю, что такая же коалиция важна в отношении решения экономических проблем. Мы должны заручиться таким сотрудничеством, мы должны создать такую коалицию. Безусловно, ЕС решает свои проблемы, но есть еще страны БРИК, Китай. Многие страны выражают большее доверие к экономике Китая, чем к США и начинают вкладываться в краткосрочные государственные облигации Китая, предпочитая их другим ценным бумагам. Япония – нельзя игнорировать эту ведущую экономику. Поэтому можно сказать, что мы наблюдаем коррекцию, а не какие-то радикальные изменения. США не является гипер или сверхдержавой, не в этом дело. Мы являемся неперенным условием для успешности международных решений. Я хочу пригласить россиян в клуб тех стран, которые были оскорблены г-ном Ахмадинежадом. И опять таки, если мы в США хотим предпринять какие-то действия в отношении Ирана, нам необходима Россия, Китай, необходим ЕС, можем ли только сами с этим справиться? Нет. Если другие страны хотели бы предпринять что-то в отношении Ирана, могли бы они что-то сделать без Америки? Вряд ли, совершенно не могу себе этого представить. Поэтому это командная работа».

Пол Сондерс, исполнительный директор «Центра Никсона» (США)

«Администрация Буша просто упустила шанс для изменений. Это трудный вопрос. Был проведен интересный контраст между первой коалицией во время войны в Персидском Заливе, когда было гораздо больше добровольной поддержки США. Это сравнение полезно. Но главное отличие между этими двумя событиями и главный вопрос любой международной коалиции вообще, это чего вы собственно хотите от ее участников? Думаю, это центральный вопрос, на который любое правительство, желающее быть международным лидером, должно ответить, чтобы получить поддержку. Чем больше вы стараетесь расширить базу поддержки, тем больше вас будут спрашивать об этом. США уже давно сталкиваются с этим. Я полагаю. Что сейчас очень интересно будет посмотреть, как это будет развиваться дальше. Вы говорили о том, что сейчас США является необходимым участником. Вопрос в том, кто еще может создать коалицию в каких-то ни было целях – военных, экономических или других, в какой степени они хотят идти на уступки для того, чтобы обеспечить такую поддержку? Если мы посмотрим на Россию или Китай, например, судя по всему, до сих пор они проявляют меньшее желание пожертвовать своими интересами, хотя бы их частью, ради коалиции».

Фрейзер Камерон: «Сегодня уже критиковалась Германия за то, что она не слишком активно участвует в миссии в Афганистане и т.д. Это справедливая критика? Может это взгляд со стороны?».

Александр Рар, директор программ Россия/Евразия Германского совета по внешней политике

«Германия предложила пакет мер поддержки Греции. Это огромная ноша для Германии. Мы уже потратили много денег для поддержки Восточной Германии, на поддержку банков в Германии, это были огромные траты. Теперь Греция. На мой взгляд, сложно ожидать большего от Германии. Возможно, из Германии посылались не совсем верные сигналы в начале греческого кризиса и было это из-за избирательной компании. Я бы сказал, что Германия должна сформулировать свою роль в Европе.

Я только что приехал с конференции в Африке в Камеруне. Я не ожидал, что на этом континенте существенную роль играет китайский фактор. Я думаю, что мы можем представить себе кошмарный сценарий, когда Китай начнет бороться за контроль над транзитными путями в Азии за счет европейского контроля. Это приведет к большому конфликту. Китай может стать второй мировой супердержавой. Корейский кризис, например, не может быть разрешен без Китая. Но мы так же видим, что азиатские страны предпринимают какие-то инициативы в отношении Ирана.

Что касается ЕС, да, нам будут нужны не месяцы, а годы для того, чтобы снова консолидировать сою экономику. Придется тратить больше денег на социальные нужды, потому что иначе будут забастовки, демонстрации в Германии, Франции...Мы уже видели такие примеры в Греции. Это вызов для наших политиков. Это также ставит определенные границы маневрирования. Конечно, это бремя, но, тем не менее, нам необходимо принять этот вызов и решать эти проблемы, вероятно, пострадает наша внешняя политика, будет довольно трудно активно участвовать в восточном партнерстве, влиять на события в таких районах, как Киргизстан и т.д. Конечно, мы сейчас очень заняты спасением Грецией, мы просмотрели развитие событий на Украине, что важно для Европы, НАТО, теперь мы не считаем, что ЕС это столб, который может помочь им, они будут стремиться к большему сотрудничеству с Россией. Все это показывает, что появляются новые горизонты и новые проблемы».

Фрейзер Камерон: «Александр, вы из Москвы. Появились признаки улучшения отношений с Западом. Трагические события с руководством Польши послужили новому толчку для улучшения развития польско-российских отношений. Также сегодня говорили о норвежско-российских отношениях. Игорь Юргенс говорил сегодня, что европейские страны будут способствовать модернизации России. Но Сергей Караганов, например, высказывал мнение, что Россия будет провинцией Китая. Как вы видите будущее России?».

Александр Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)

«У меня есть определенные сомнения в отношении аргументов Сергея Караганова, но думаю, что здесь мы не будем их опровергать. По моему мнению, Россия уже находится на пути самоидентификации и спор о Европе или Азии для России уже оставлен позади. Сейчас это тихоокеанская страна - такова концепция позиции России, это и с психологической, и с исторической, и с географической, и с культурной точки зрения. Мы говорим о заметных и важных шагах в отношении внешней политики - Украина, Норвегия, Польша, Киргизия. Мы совершенно точно высказали наше нежелание поддерживать эту так называемую революцию. Это видимые и реальные тенденции, это реальный путь и, может быть, это первое проявление политики модернизации, в том числе и внешних отношений.

Не надо забывать о новой программе, которую подготовило МИД РФ, которая странным образом просочилась в СМИ еще до того, как была опубликована официально. Эта программа составлена в ключе наших улучшившихся отношений с США. Поезда из Риги в Термез ходят по графику, это я говорю сейчас об отношениях с Афганистаном, о том,

что у нас появился обмен информации разведывательного характера и другие продвижения. В нашем институте у нас была дискуссия, где также принимал участие г-н фон Плётц и дипломаты из Латвии, это тоже признак изменений, может быть с культурной точки зрения, но все же. Когда единый военный оркестр из Германии, Франции, России и США играл на Красной площади «Оду радости» Бетховена, это тоже означает, что Россия встала на путь модернизации. Эта модернизация или стимул к модернизации может идти из ЕС, но отнюдь не из Китая. Если вы посмотрите на нашу политику в отношении Китая, то наши шаги достаточно осторожны сейчас. Безусловно, мы входим в новую стадию глобализации, где новые лидеры – Китай, Индия, может быть страны Персидского залива, но дело в том, что эти страны сейчас становятся горячими сторонниками свободных экономических отношений без всякого препятствия и противодействия, но не надо забывать, что там существует Политбюро, а не только Центральный Банк».

Игорь Юргенс: «Я согласен с тем, о чем говорил г-н Дынкин. Хотел бы упомянуть еще пару нюансов. Роль России может быть очень важной в отношении евроазиатского пространства. Например, Иран – откуда возникла эта новая позиция России? Наши коллеги по группе БРИК остерегают нас, призывают не быть слишком поспешными. Если провести опрос общественности, например, в Китае, нужна ли ядерная мощь в Иране, они ответят да, почему Пакистан имеет на это право, а Иран нет? Политически корректно было бы сделать то, что сделали российские дипломаты. Иран всегда был достаточно хорошим фактором в отношениях с нашими исламскими соседями, например, Таджикистаном. И мы за это благодарны. Это до сих пор имеет определенную важность и силу в наших отношениях с некоторыми республиками в Центральной Азии. Мы в отношении Ирана очень четко определили свою позицию перед нашими сторонниками.

Что касается Украины, здесь иная ситуация. Мы можем думать о положительных решениях в наших двусторонних отношениях с Украиной, потому что вряд ли можно сказать, что в ближайшее будущее Украина станет членом НАТО или ЕС.

Турция. Те попытки сближения, которые Турция делает в отношении России, оправданы. Турция понимает, что никогда не станет членом ЕС и должна думать о другом логоритме своего развития. У нас много общего с Турцией, если посмотреть на юг России, наш торговый оборот с Турцией почти такой же, как России с США и подходит к уровню торгового оборота России и Китая. Здесь тоже можно что-то думать в рамках двусторонних отношений.

Россия-НАТО-ЕС. Россия это по-прежнему большая региональная сила, с которой необходимо считаться. Учитывая нашу территорию, природные ресурсы, наши связи с соседними странами, которые выстраивались на протяжении веков – это может быть очень важным для лидеров НАТО, лидеров ЕС для того, чтобы способствовать более быстрому сближению. Может быть, в ближайшие два года мы будем наблюдать такие тенденции. Возможно, через два года мы увидим совсем иное поведение отношения России к НАТО, которое больше похоже не российско-норвежские, российско-польские отношения и за эти два года мы должны сделать как можно больше, чтобы способствовать важным евроазиатским и Евроатлантическим ценностям».

Дов Закхайм: «Вы сказали, что Россия ценит предсказуемость. Я полагаю, что самая большая проблема с Ираном, то, что он непредсказуем. Думаю, именно поэтому некоторые высказывания президента Ирана удивили Россию. Именно это главная проблема в отношении с Ираном для всех. Кстати, я думаю, не одни мы обеспокоены, в Персидском заливе обеспокоены тоже, полагаю, что здесь роль России будет очень велика. Это же относится и к израильско-палестинскому конфликту. У России отличные отношения с обеими сторонами этого конфликта, чего не скажешь о нас. Поэтому

Россия, как вы сами сказали, может очень помочь в разрешении этих конфликтов. Ее отношения с Индией тоже очень хороши. Индия не так уверена в своих отношениях с Ираном, как в своих отношениях с Россией. Коротко о Китае. Американские отношения с Китаем очень сложные. Война с ними не является неизбежной, но нет абсолютной уверенности в том, что ее не будет. Мы должны быть очень осторожны».

Вопрос из зала. Николай Кабанов, депутат Сайма: «Я вхожу в средиземноморскую парламентскую ассамблею, и каждый раз, когда мы идем в Каир, Иорданию, мы все время боремся с Израилем. Европейские страны тоже винят Израиль и иногда участвуют в действиях Египта, Палестинской автономии и т.д. Что вы думаете об изменении позиций администрации президента Обамы по Израилю?».

Дов Закхайм: «Администрация Обамы думает, что может надавить на Израиль и в то же время успокоить мусульманский мир. Думаю, что сейчас они признают, что очень трудно оказывать сильное давление на любую страну, особенно на демократическое государство, которым является Израиль. Надо делать это очень тонко. Ситуация на сегодняшний день очень сложна. США пытаются подвигнуть Израиль на не прямые переговоры. Какое-то время назад переговоры были прямыми, а сейчас возможны только не прямые. Но настроение в Израиле все-таки другое. Премьер-министр Палестины пытается выстроить новые демократические институты и это у него получается довольно успешно. Есть умеренный оптимизм даже в отношении проблемы Хамаса. Это несколько упрощает проблему. Я бы сказал так, что отношения с Израилем, может быть, не так уж напряжены, как год назад. Опять же, Россия здесь может оказаться очень полезной, как и Европа».

Посол Ричард Берт: «Я не соглашусь в какой-то степени. Может быть, большинство израильтян и поддерживают идею двух государств, но правительство Израиля не поддерживает эту идею. Многие высокопоставленные лица в Израиле ясно и открыто заявляют, что они не поддерживают эту идею. Они скорее склонны поддерживать идею великого Израиля. И это большая проблема. Эти переговоры идут очень давно, но, по моему, у нас осталось уже очень мало времени. Сами палестинцы, не смотря на поддержку Хамас, начинают терять веру в финал – два государства. Они смотрят на демографические изменения в регионе, видят, что скоро станут самыми многочисленными в регионе и, вполне возможно, что в скором времени станут поддерживать решения проблем, которые сделают их доминирующими в регионе. Я думаю, что Израилю в этой очень напряженной ситуации, для того чтобы достичь мирового соглашения в рамках одного государства, будет очень трудно это сделать. Другая альтернатива – великий Израиль, означает, что, скорее всего, мы придем к доминированию Израиля, подчиненной ими группы людей, что, в общем-то, называется системой апартеида. Я полагаю, что это не будет приемлемым вариантом решения для международного сообщества. Тогда Израиль рискует потерять поддержку очень влиятельных спонсоров. На мой взгляд, для Израиля очень важно сейчас быстро признать, что единственное реальное решение проблемы – это сосуществование двух государств и провести переговоры, которые будут способствовать этому. Это одна из тех ситуаций, в которой все более или менее знают, чем на самом деле окончатся переговоры. Все признают, что это будет что-то вроде того, чего пытался добиться Бил Клинтон, то, что ранее обсуждали между собой израильские и палестинские лидеры в прошлом десятилетии. Проблема в нынешнем израильском правительстве. Необходимо, чтобы они хотели достичь этого решения проблемы. Если это правительство не хочет или не может сделать этого, г-н Нетаньяху должен сформировать правительство, которое будет способно сделать это».

Дов Закхайм: «Я не хочу создавать впечатление, что в США есть большие несогласия на эту тему. Я думаю, что и демократы и республиканцы в значительной степени сходятся в своих позициях. Есть ощущение, что г-н Нетаньяху хочет достичь соглашения. Проблема есть, безусловно, но я думаю, что в США превалирует мнение, что эта ситуация больше не может долго продолжаться».

Посол Ханс-Фридрих фон Плётц: «Я соглашусь с тем, что было сказано. В январе в Израиле я уловил совсем иное настроение, что уже нельзя больше ждать. У меня вопрос российским участникам. Мы говорим о новых моделях, глобальной политике...Распространения ядерного вооружения. Кто-нибудь в России разве может сидеть сложа руки и не беспокоиться о том, что происходит в Иране? Разве нет реальной опасности того, что будет раскрыт ящик Пандоры в отношении распространения ядерного оружия? И все это происходит не далеко от России. Это становится очень взрывоопасным районом».

Александр Дынкин: «Конечно, это очень важный вопрос и мы много внимания этому уделяем, потому что Иран находится близко от территории России. Мы не считаем, что возможно нанесение удара по Ирану, потому как это близко к нашим границам. Мы по-прежнему пытаемся найти решение, но происходит определенное вмешательство в этот процесс, например, инициатива президента Лула, потому что Ахмадинежад выиграл время. Мы занимали такую же позицию год назад и предложили примерно то же самое, но президент Лула с его инициативой, это был полный провал, потому что сейчас он строит подводные лодки вместе с Францией, но он не подписал ни одного важного протокола МАГАТЭ, где требовалось бы разрешение ядерных инспекций. Это так же свидетельство того, насколько это сложный вопрос. Я думаю, что мы присоединимся к серьезным санкциям в отношении Ирана, но я не уверен, что это будет эффективно, потому что элита вокруг Ахмадинежада собрала много активов, не только нефть, но и телекоммуникации, аэропорты и т.д. Это довольно могущественная финансовая группировка».

Вопрос из зала. Пради Пракаш: «Я бывший гражданин Индии, сейчас я гражданин Латвии. Мы здесь обсуждаем Иран и распространение ядерного оружия. Ядерные боеголовки - это Россия, США, Великобритания, они стали собирать это оружие, они же стали говорить о том, что необходимо его уничтожить. Может быть, стоит посмотреть на инициативы этих стран о сокращении количества ядерного оружия, а не нажимать на Иран? Я не говорю, что я поддерживаю Иран, но необходимо сокращать количество боеголовок. Зачем США, России 1000 или 1500 ядерных боеголовок, может достаточно 3-5? Своим примером потом Ирану можно сказать, что мы сократили и не хотим, чтобы было столько у вас ядерных боеголовок. Тогда это будет убедительно. Почему оказывается такое давление на Иран, если у России, США, Франции... не происходит сокращения потенциала ядерных боеголовок?».

Фрейзер Камерон: «Кстати, желание президента Обамы было ясно выражено. И после того, как был заключен договор, обе стороны высказали желание продолжать эти шаги, стремиться к сокращению арсенала ядерного оружия. Я согласен с вами, что это не происходит достаточно быстро, но, тем не менее, направление выбрано правильное».

Посол Ричард Берт: «Я участвовал в первых переговорах по стратегическим вооружениям. Тогда в мире была идея жить вообще без ядерного вооружения, свести его к нулю. Почему такое большое количество ядерных боеголовок в США и России? За последние 15 лет происходило уничтожение. Сейчас количество ядерного оружия,

размещенного в США и России на уровне 60-х годов. Новое соглашение старта, где предусматривается еще на 30% сократить количество ядерного оружия и со стороны США и со стороны России. По крайней мере, со стороны США это рассматривается как первый шаг к гораздо более серьезному сокращению. И США будет убеждать Россию пойти на ответные меры. Но сейчас не ясно, согласна ли будет Россия пойти на такое радикальное сокращение своего ядерного оружия. Президент Медведев и премьер Путин должны склонить военный истеблишмент России к продолжению таких переговоров. Но я знаю, что на американской стороне есть надежда, что количество ядерных боеголовок будет сокращено, тогда мы сможем это использовать как аргумент для других стран, владеющих ядерным оружием – Китай, Пакистан, Великобританию, Францию, Израиль. Я думаю, что в ближайшие 4-5 лет мы либо окажемся в ситуации радикального сокращения потенциала ядерного оружия, либо, если Иран или другие страны - Турция, Саудовская Аравия - захотят создать у себя ядерный потенциал вооружений, тогда у нас в мире будет больше ядерных боеголовок, чем имеется сейчас».

Виктор Макаров, директор исследовательских программ «Балтийского форума» (Латвия)

«Здесь говорилось о том, что ЕС потерял Украину и это все, что ожидается от ЕС, как мирового глобального игрока. Хотим ли мы Европу видеть политическим карликом? Мы выступаем за учет многосторонних взглядов. Справедливо ли говорить, что мы потеряли Украину? Или что Украина потеряла себя?».

Фрейзер Камерон: «Я хочу так же дополнительно спросить относительно системы многосторонних отношений, германский взгляд на этот счет?»

Александр Рар: «На предыдущей сессии г-ном Юргенсом уже упоминалось, что ЕС действительно стоит перед огромной задачей, никогда не решаемой прежде мирным путем – интеграция и попытка стать не только экономическим, но и политическим союзом. Вспомните, как трудно было принять Лиссабонский договор. Это потребовало своего рода многочисленных манипуляций, не говоря об Ирландии, которая не хотела долго его принимать. Наконец у нас есть лиссабонский договор и какая-то общая экономическая политика. Финансовый кризис стал очередным препятствием на пути консенсуса, но по крайней мере сейчас есть действующие инструменты. Мы, наблюдатели со стороны, конечно, понимаем, что они ждут, когда ЕС станет реальным игроком и перестанет ограничиваться ролью транслятора телефонных звонков. Так что есть задачи. Однако я не вижу другого способа достичь консенсуса.

Что касается Украины. Возможно, я слишком грубо сказал. Не то, что мы потеряли Украину, и Украина не потеряла себя. По-моему, Украина просто увидела, что она сейчас не получит такой поддержки от МВФ для решения своих огромных проблем. Грецию будут вытаскивать. У МВФ есть средства для помощи Украине. Украина решила уменьшить затраты на приобретение российского газа. Украине придется заплатить цену. Они сказали, что не будут вступать в НАТО. Но ее туда, собственно, еще не приглашали. Так что вопрос застопорился. Такого рода политика, естественно, устранила барьеры препятствия для экономического сотрудничества с Россией.

Что мы могли бы сделать на постсоветском пространстве? Мы собственно этим и будем заниматься после Ростовского саммита, который может стать исторически поворотным пунктом в отношениях ЕС и России, а также Украины. Мы достаточно близки к тому, чтобы избавиться от визовых барьеров с Россией и Украиной. Это откроет Европу с невиданной ранее стороны. Этого никто не мог ожидать после Грузинского кризиса, например. Европейские бизнес-элиты подталкивают свои правительства к отмене виз. Сейчас существует своего рода конкуренция за участие в партнерстве с Россией на пути

модернизации ее экономики. Даже Польша изменила позицию по отношению к России. Так что, я думаю, что это партнерство в целях модернизации имеет большие перспективы».

Фрейзер Камерон: «Что касается глобального аспекта. У России есть какая-то концепция желаемых для нее перемен существующей системы? Было интересное предложение пару лет назад, когда Москва предложила, что должен существовать список кандидатов на пост главы МВФ. Помимо этого, есть ли какие-то идеи относительно того, какие изменения хотела бы видеть Москва в структуре институций?».

Александр Дынкин: «К сожалению, нет времени обсуждать российскую позицию по этим вопросам в подробностях. Если вы посмотрите материалы по результатам встречи в Петербурге, там есть ответы на некоторые из этих вопросов. Например, увеличение количества квот в МВФ. Мы против идеи замены существующих валют и т.д. Я думаю, что более важно сегодня не МВФ, а мировое правительство, потому что МВФ это что-то вроде заднего двора «Большой двадцатки», а не инструмент. Вопрос в том, заменит ли «Большая двадцатка» «Большую семерку». Это ключевые моменты для российской позиции.

Несколько комментариев, что будет происходить с социально ориентированной рыночной экономикой, каково будущее этой модели. Я совершенно разделяю мысль Игоря Юргенса, что финансовый союз, спасение монетарного союза и длительный период устойчивого роста абсолютно необходим. Необходима также координация экономической социальной политики. Каким будет, собственно говоря, инструмент осуществления макроэкономической дисциплины в Еврозоне? Я как экономист, на стороне Меркель. Думаю, что главный вопрос мирового правительства – это неизбежная глобализация и то, как мы будем разрешать эту тихотомию, для меня не совсем понятно. Что касается кризиса, что реакция на него была запоздалой. Я полагаю, что ответ на вопрос Киссинджера – кому звонить, если надо связаться с Европой – полагаю, что в Берлин, после этого кризиса».

Фрейзер Камерон: «США изменили свою риторику в отношении многосторонности управления миром. Видите ли вы со стороны Америки желание фундаментально реформировать эти институты и каков подход к «Большой двадцатке?»».

Пол Сондерс: «Я согласен с тем, что произошли большие перемены в риторике, которые иногда даже преувеличивались, потому что есть и преемственность. Мы говорим о серьезной реформе управления миром. Если говорить об этом, я слегка скептически настроен. Не в том смысле, что это нежелательно, потому что мы стоим перед лицом новой реальности и в идеале необходимо реформировать институты, чтобы справиться с ней.

Что касается «Большой двадцатки» - просто не было другого выбора. Был тяжелый финансовый кризис, и было совершенно невозможно справиться с ним, имея в качестве инструментов только «Большую семерку», потому что это был слишком узкий круг. Имеются конкретные показатели новой финансовой дисциплины. Как мы будем считать, кому какая доля влияния в мире принадлежит, когда мы говорим о политике? Здесь очень сложно вычислять в реальных величинах. Поэтому, когда мы говорим об изменениях в Совете безопасности ООН, в его составе, довольно трудно это обсуждать. Я был бы очень удивлен, если бы такие изменения скоро произошли.

Что касается Совета безопасности ООН, интересный вопрос – сделало бы это более легким управление миром? ЕС и процессы принятия решений в ЕС здесь упоминались несколько раз. Это тот случай, когда мы перешли от маленького количества участвующих к большому. Мы видим эмпирические свидетельства влияния, которые показывают насколько трудно или легко принимать решения. Я бы, безусловно, имел бы это в виду в числе других факторов, когда мы говорим о Совете безопасности.

Фрейзер Камерон: «Здесь говорили о регионализме, о балансе между движением мира к регионализму, тут речь идет и о сфере влияния. Вы полагаете, что Китай будет доминировать в азиатском регионе? Или будет ли азиатское влияние основываться на влиянии Китая, Японии, Кореи вместе взятых?».

Дов Закхайм: «Думаю, многие бы хотели, чтобы Азия развивалась именно в этом направлении. Однако я сомневаюсь, чтобы мы этого хотели по ряду причин. Во-первых, ГУАМ это часть США, так что мы тоже Восточная Азия, не говоря уже о том, что есть войска в Японии и Корее. Вторая причина, особенно в свете той дискуссии, которая здесь была насчет Ирана и ядерных вооружений, сколько еще Япония проживет без ядерного оружия, если мы уйдем оттуда? День? Неделю? Месяц? Я не думаю, что в Пекине это кому-то понравится. Это от части ответ на вопрос об американском ядерном оружии. Наш ядерный зонтик не только дает уверенность некоторым странам, например, на Ближнем Востоке, но также гарантирует то, что некоторые другие страны не станут ядерными, Германия и Япония могли бы стать очень быстро ядерными державами. Но не надо забывать, что есть сдерживающие факторы. Они сделают это, если потеряют уверенность в этом зонте. Мы там, в Юго-восточной Азии, от части потому, что у нас есть там территории, от части потому, что поддерживаем там баланс. В Юго-восточной Азии нет НАТО или похожей организации, то, что скрепляет этот регион - это США.

О странах ОСЭН. Страны ОСЭН очень амбивалентно относятся к Китаю, они имеют длительную историю отношений с Китаем, которая часто не слишком была хороша. Тем не менее, они признают влияние Китая, но есть вещи, которые они не хотели бы, чтобы делал Китай. Сам факт присутствия Америки там, на мой взгляд, помогает предотвратить некоторые весьма некрасивые дискуссии. То же самое касается Кореи. Дело не в отношении между Кореями или Кореями и Китаем. Это касается Японии и нас. Китай относительно помогает, но иногда они нам говорят, что Северная Корея вообще не находится в сфере их влияния, мы знаем, что это не совсем правда. Мы не знаем сейчас, почему они потопили южнокорейский корабль, вероятно, они боролись за доминирование в регионе».

Фрейзер Камерон: «В октябре этого года в Брюсселе пройдет очередной европейско-азиатский саммит. Два года назад президент Медведев призвал нас всех подумать о новой архитектуре евро-атлантического пространства. Прошло два года, президент России не получил никакой реакции на свой призыв».

Александр Рар: «Мы, конечно, пытались говорить с ним на разном уровне. Министр обороны Германии предложил, что может Германии надо вступить в НАТО. Но тем не менее, этот призыв не получил достойного отклика и по-прежнему стоит вопрос о том, что же делать на европейском пространстве, нужна ли нам Россия, безопасней ли нам с Россией или без нее. Я согласен, что это европейская проблема, она не касается в такой степени США. Но здесь в Латвии мы могли бы открыть этот ящик Пандоры. Как бы вы откликнулись на этот призыв?»

Я представитель Германии, большинство германской элиты считает, что европейский регион не будет безопасен и процветающий без России, если Россия не будет в общей

команде. Я не буду против России в НАТО через 20 лет, потому что возможно НАТО будет иметь совершенно иной вид лет через 20.

Александр Дынкин: «Была евро-атлантическая инициатива, высказанная г-ном Ищенко и Игорем Ивановым. Я член этой комиссии, которая выступила с этой инициативой. К концу 2011 года мы создадим существенный документ. Дискуссии, которые проходят сейчас не всегда освещаются публично. Но работа ведется.

Что касается того, о чем говорил Александр Пар – кто потерял Китай, кто потерял Украину. Я не думаю, что кто-то что-то потерял, я думаю, что это большое достижение в развитии демократии на Украине. Думаю, что Украина совершенно не потеряна для ЕС».

Посол Ханс-Фридрих фон Плётц: «В отношении предложения президента Медведева. На него не последовало существенной реакции, но на саммите в Хельсинки, все страны, которые там присутствовали, обсуждали этот вопрос. Существует отсутствие определенного взаимного доверия. Мы говорили на многих форумах об этом, что надо думать об укреплении доверия. Когда будут пройдены эти шаги, они послужат усилению определенного политического направления, тогда уже можно будет говорить о всеобъемлющей структуре безопасности. Но это уже будет последующими шагами, а не первыми».

Фрейзер Камерон: «Я хотел бы вернуть вас к оценкам 50-х годов. Тогда было такое предположение, что Китай, Европа и США создадут некий триумвират. Ни Индия, Россия, ни Бразилия. Что именно эти три супердержавы могли бы создать такой триумвират власти. Как вы считаете, это возможно?».

Дов Закхайм: «Оценки различных аналитических исследований, это консенсусный документ. Вы понимаете, что такого рода документ не имеет большой роли в том, что касается прогнозирования событий. Я не думаю, что в 1988 году эти исследования имели обширный характер. Но существует реальный знак вопроса в отношении этих трех стран. Во-первых, это касается ЕС, прежде всего, это не то, что последует развал ЕС, но ЕС должен пересмотреть, как взаимодействовать со странами, которые экономически слабее. ЕС еще не разработал ясной политики о том, как функционировать странам с совершенно иными экономическими позициями. Как ЕС с этим справится и будет справляться это очень важно.

Что касается Китая, еще не снято много вопросов. Если ВВП Китая не будет расти на 8% в год, он столкнется со многими проблемами: миграция из сельских районов в городские, другие вопросы экономического и социального характера.

Как относится к Японской экономике, что ожидать от нее? Недавно мы считали, что Япония купит США. Сейчас ситуация изменилась. То же самое происходит с Россией. Если Россия отойдет от экономики, которая подпитывается нефтью и газом, если она приблизится к ЕС, это усилит экономический баланс. Конечно, если вернуться на 50 лет назад и посмотреть, какие делались предположения в отношении событий через пол века, то это будет интересно и полезно для ума».

Пол Сондерс: «Во-первых, о рисках попыток делать такие прогнозы. В случае Китая, говорилось, что необходимы 8% роста, это очень серьезная задача. У них так же будут серьезные демографические проблемы, проблемы с пенсионной системой и т.д. со

всеми вытекающими последствиями и много других внутренних проблем. Так что я не так в этом уверен.

Что касается России, я думаю, что русским надо решать. Российским властям и народу надо принять много важных решений. По крайней мере до сих пор некоторые из российских лидеров вроде бы говорят, что приняли эти решения, но они не всегда автоматически превращаются в практические меры».

Александр Дынкин: «Я полагаю, что очень большой вызов для России это программа, которую мы называем «75/85», что означает политическую стагнацию на протяжении многих лет. Очень важный якорь нашей модернизации, основа модернизации это экономическое сотрудничество и членство ВТО. Мы ждем членство в ВТО дольше, чем ждал Китай. Мы достигли понимания, соглашения с ЕС, когда мы поддержали Китай, Киотский договор, что они поддержат членство в ВТО. Но этого не случилось. Кроме того, вступление или невступление в ВТО это также и сужает внутривнутриполитические дебаты в России. Я думаю, что вступление в ВТО России необходимо как можно скорее».

Игорь Юргенс: «Вы говорите о прогнозах разведок и т.д. А я напомню вам о докладе ЦРУ, который в гипотетическом сценарии цитирует письмо генерального секретаря НАТО в Шанхай, который говорит, пожалуйста, помогите нам немного, потому что мы не справляемся с управлением мира. Этим самым я хочу вас вернуть к высказываниям двухлетней давности – дверь открыта».

Александр Рар: «Если мы говорим о разных сценариях, есть три сценария, которые логично было бы обсудить. Один из них – это «Большая тройка». Второй – где идет борьба за превосходство, некоторого рода Евразия, в который мало кто верит, есть сценарий с большим участием азиатских стран. Третий сценарий – экстремистский ислам, который не является частью государственной идеологии, но который будет иметь развитую сеть в Северной Африке и на Ближнем Востоке, который будет представлять угрозу для нашей системы ценностей, нашей морали. Это третья возможность и это хаос. Что касается третьего сценария, я хотел бы задать риторический вопрос – где сегодня глобализм? Мы теряем «Большую восьмерку», она превращается в «Большую двадцатку» и возникают проблемы с консенсусом. Мы видим это на примере политики в отношении изменений климата, это плохо функционирует на уровне «Большой двадцатки». Мы видим это на примере ООН, где система установленная Ялтинскими соглашениями тоже уже практически не функционирует. И самый важный вопрос – это финансовый кризис, который вероятно разрушил по крайней мере ВТО в той форме, в которой она существовала последние 20 лет. Я повторяю, это из хаотичного сценария. Но когда недавно говорили в одном сценарии, что германский бундесвер, возможно, когда-то возьмет под контроль транзитные пути силой, неужели мы уже думаем в терминах такого хаотичного сценария?».

Пол Сондерс: «Я хотел бы добавить к списку еще один институт. Я недавно был в Бразилии на конференции на подобную тему об управлении миром. Должен сказать, что бразильское правительство достаточно амбициозно в том, что касается их мировой роли. Они хотели привлечь внимание к группе, которую они создали вместе с Индией и Южной Африкой, которая была описана как «Большая группа глобального Юга». На меня произвело впечатление то, что причина, по которой эти три страны вместе работают - они посмотрели на результаты голосования ООН. И если подумать о перспективе через 40-50 лет, каковы будут последствия этого для управления миром? Это тоже вопрос, который надо обсуждать».

Фрейзер Камерон: «Наша сессия завершается. Дискуссия была очень широкой по тематике. Я был удивлен, что многие аспекты глобализации не были затронуты. Мы в основном говорили о демографии, но если мы посмотрим на рост населения земли, это очень драматическая перспектива, особенно то, что касается ограничения ресурсов запасов воды. Мы не говорили о миграции, которая очевидно ускорит некоторые наблюдаемые процессы. Все это относится так же к проблеме брендов образа, через призму которого миллионы людей видят нашу жизнь. Некоторые из них хотят стать частью нашего мира, мы не можем винить их за это. Но проблема состоит в ограниченности ресурсов и в создании системы эффективного политического управления, которое берет на себя ответственность за результаты своего правления.

Мы сегодня выслушали интересные мнения, я благодарю всех выступавших!».

Панельная дискуссия 3: Европейско–российские отношения в Балтийском регионе: как использовать потенциал сотрудничества?

Александр Дынкин: «Говоря о теме нашей конференции, мы сегодня говорили о связи глобализации и регионализации, о том, что роль регионов будет очень важна в глобальном мире. Я думаю, что если мы посмотрим на Балтию как на отдельный регион, который включает в себя и страны Скандинавии, то это очень мощная экономическая группировка, экономический потенциал этой группировки равен экономике Бразилии, а Бразилия сегодня на восьмом месте в мире по ВВП, но, конечно, структура экономики этого региона гораздо более совершенная, более прогрессивная, более инновационная, чем та экономика, с которой мы ее сравниваем. Поэтому, на мой взгляд, а так же с учетом географии, это органичное пространство для взаимодействия России и ЕС».

Леонид Григорьев, Президент фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия)
«Начнем с кризиса, я хочу показать, где мы находимся и какие проблемы нас ожидают. В глубокий кризис попали очень многие страны с развитой экономикой, туда же попала и Россия. Только несколько стран, в том числе Китай, удержались на самом верху, выше нулевой черты и произошел decoupling, сначала он был во время подъема, теперь это decoupling во время кризиса. Тем не менее, это впервые за многие годы и за весь послевоенный период, это первый кризис, когда упал мировой ВВП. Мы прошли очень опасную черту и должны быть счастливы, что выходим из кризиса, но должны быть очень осторожны. Динамика ВВП -0,6%, не так важен процент, если развитые экономики упали на 3%, Япония на 5%, Россия на 8%, Латвия на 18%, это данные за прошлый год - в этом наборе стран, если не во всем мире, это одно из самых глубоких падений. Есть оптимистические прогнозы на ближайшие годы, но надо понимать, что потеряно 1,5-2 года развития и мир только выходит назад на 2008 год.

Промышленное производство. Если смотреть график, то наверху Польша, которая блестяще перенесла этот кризис и она уже в плюсе. Внизу Эстония, у них был очень тяжелый кризис в промышленности, лучше состояние экономики в целом, но промышленный кризис очень тяжелый. Россия и ЕС где-то в середине этого графика. Надо осознавать, что ЕС и России еще где-то год по промышленному производству идти только до предкризисных уровней.

По финансовым потокам. Обращу ваше внимание, что перед кризисом в начале 2008 года это были в основном банковские займы, но после кризиса, когда не дают в долг, приходится выпускать акции.

Возвращаясь на секунду к росту и энергетике, хочу подчеркнуть нашу проблему в мире. Мировой экономический рост с 1986 по 2002 год 2,9%, средняя цена на нефть в долларах в 2008 году 29, на самом деле была 20 в номинальных деньгах, огромный подъем 2003-2008 года – 63\$, т.е. можно было, оказывается, расти при такой цене. Но оказалось, что невозможно расти при таких соотношениях. Оказалось, что когда потребление первичной энергии подскочило за год с 1,7% до почти 3%, началась разбалансировка, не было сделано инвестиций, мировая энергетика пришла в кризис. Сейчас после кризиса идет постепенное восстановление параметров на новой основе.

Постепенное мировое падение общего потребления жидкого топлива – падение в кризис, потом оно восстановится, будет нулевая черта и потом небольшой рост, но меняется структура. Потребление развивающегося мира идет вверх, а вот ОЭСР постепенно будет идти вниз. Поэтому меняется вся структура потребления на рынке. Внутренняя структура потребления по странам очень сильно меняется.

Ценовая ситуация потребления. Пока была средняя цена на нефть, не были сделаны инвестиции. Поэтому сейчас для того, чтобы мир продолжал нормально себя чувствовать в области энергетики, все равно нужна определенного уровня цена.

Если говорить о европейском газе, здесь происходит очень интересная динамика потребления. Германия, ЕС, Италия во время кризиса – произошло значительное падение. Рост Англии не надо воспринимать всерьез, это импорт Англии, естественно он приходит в Англию и тут же уходит в интерконнектор в Европу. Но, тем не менее, произошла передвижка потребления. Европа не ушла от газа во время кризиса, падение в основном в промышленности. Если брать потребление населения, потребление электростанций, то газ сохраняет свое место.

Как работал механизм поддержания цен в кризис? Если посмотреть на график - производство, квота, загрузка – то в этом месте шло быстрое падение цен со 147\$ до 30\$, ОПЕК снизила квоты, более или менее их выполнила, это было очень высокое выполнение квот. Это механизм, как удержалась цена в 70-80\$ тогда в конце 2008 и в 2009 году. Обращаю внимание, что если в 2003, 2005 году было много выступлений против ОПЕК как картеля, когда цены шли снизу с 20\$ до 40-50\$, то в последнее время никаких нападков на ОПЕК нет и то, что они снизили производство и картельными методами поддержали мировой баланс на рынке нефти и, соответственно, цены на нефть, на газ и другие виды топлива, потому что цены трубопроводного газа в Европе привязаны к спотовым ценам на нефть, т.е. формально они вообще вне газового рынка в какой-то степени. В этой ситуации оказалось, что 70-80\$, это примерно та цена, которую мир готов платить даже во время кризиса. Если бы цены держались в районе 30-40\$, начались бы огромные финансовые проблемы у экспортеров. Даже сейчас падение бурения на нефть и газ в мире упало примерно на 20-30%. Если бы это было 30\$, оно бы просто рухнуло и тогда бы мы опять попали бы в порочный круг колебаний низкие - высокие цены. Бразильский этанол рентабелен в США только дороже 70\$. Почти нет проектов в Нефтегазе, где можно было бы бурить при цене ниже 60\$. Т.е. оказывается, что 70-80\$ это не рыночное равновесие, цена задержана картелем, но с другой стороны, это уровень, который устраивает в данной ситуации даже стран-потребителей, сторонников чистой конкуренции. И какое-то время цена еще будет находиться на этом уровне.

Изменение структуры потребления нефти и газа с 1990 по 2007 год тоже очень существенное. Если раньше нефть и газ конкурировали на электростанциях, то теперь этого нет, газ это практически топливо для электростанций, нефть это топливо транспорта. Именно из этого надо исходить и в прогнозах и в понимании того, как будет

устроен мир в будущем. Например, с 1990 по 2007 год доля газа в электричестве возросла с 19% до 33%, это очень существенные передвижки. Думаю, что энергетика будущего не будет такой простой, как описано в европейской программе «20-20-20». Сделать 20% всей возобновляемой энергии к 2020 году, конечно, не удастся. Год-два назад это было 8,5%, лет за десять прошли с 7% до 8,5%, сейчас кризис, это достаточно сложно. Возобновляемая энергия в Европе очень тяжело субсидируется, а это тяжело делать в условиях бюджетных дефицитов. Направление развития правильное, мы с оптимизмом в целом смотрим на передвижку потребления энергии, но это не будет так быстро к 2020 году. Надо готовиться к тому, что ближайшие две декады это будет газ.

Ценовые предположения международного энергетического агентства, хотел бы обратить внимание, что по идее при нормально развитии - цена на нефть растет, она плоская и стоит на уровне 90\$, но это доллары 2008 года, т.е. они номинально будут расти, это только при условии, если выполняется сценарий «450», когда производятся гигантские капиталовложения в сокращения выбросов, т.е. когда падает потребление, связанное с тем, что сократили потребление. Это совершенно чудовищные усилия. В России можно сократить примерно почти на 45% внутреннее потребление энергии, но это стоит 350млрд.\$. Россия производит 4 объема потребления Германии, если реформировать германскую энергетiku стоит дорого, то энергетiku, которая в 4 раза больше, наверно, это еще сложнее.

Смесь топлив на обозримое будущее. Сверху вниз падает доля нефти примерно к району 30% и это такой projection. Газ здесь стоит гораздо плоско и вдруг начинается рост угля. Я думаю, что это ошибка в прогнозах. Связано это с тем, что все время прогнозируют с использованием технологий CCS, т.е. закапывание парникового газа вокруг угольных электростанций. Но надо осознавать, что технология закапывания парникового газа существует как технология пилотная. Фирмы, которые владеют этой технологией, просят 1,5млрд. \$, чтобы сделать первый пилотный завод большого размера, они просят технологический эксперимент. Т.е. практически, как коммерческий проект удержания парникового газа на угольных электростанциях возможен не раньше чем через 10 ил больше лет. Поэтому этот ренессанс угля - он упал, когда рос газ, вдруг он начинает расти в прогнозах международного агентства, я думаю это ошибка, этого не будет. Потому, что если вы хотите климат, то идете к газу на этом этапе развития, если вы хотите уголь, тогда вы должны иметь эту технологию. Нет этой технологии. Для того чтоб сделать сценарий «450», человечество должно очень быстро уходить от угля, от нефти, от газа и резко увеличивать ядерную энергию, это примерно 230 гига watt дополнительных мощностей, это очень много, во всех странах это идет туго – это и проблемы топлива, проблемы охраны, учитывая, что 25 лет ничего не строили, есть проблемы с оборудованием, с кадрами как строителей, также существует огромная проблема – откуда возьмутся кадры для работы на этих новых атомных станциях, их надо начинать готовить.

Российская ситуация очень сложная. Мы экспортируем треть угля, треть газа, две трети нефти, занимаем огромное место в мировой энергетике, 11,5%, для сравнения скажу, примерно 5,5%-6% мировой первичной энергии мы экспортируем, это чудовищная величина. Китай потребляет 16,5%, производит 14,5%, из которых 12% это уголь. США потребляет примерно 24%. Т.е. роль России, конечно, невероятна в этом отношении. В Европе, когда возникали разговоры о зависимости по газу, что газ, по газу мы как раз не очень много экспортируем. Наша доля в нефти колоссальная. Но главное все вместе. Поэтому роль российской энергетики для стабильности мирового развития остается чрезвычайно большой.

Теперь о Балтийском регионе. По безработице, конечно, здесь ситуация необычная, очень резкий рост и Латвия очень сильно выделяется. Понятно, что часть рабочей силы сейчас уходит с рынка, небольшие объемы, это важная большая норма для страны, но абсолютно небольшие объемы, частично они распределяются в ЕС.

Ситуация с латом. В графике мы видим положение лата по отношению к другим валютам. Сейчас, когда EUR упал, разрыв сократился, но все равно основная проблема лата то, что он переоценен по сравнению с другими валютами. Внутренняя девальвация решает некоторые проблемы, но полностью их не закрывает.

О прогнозах. Последние проблемы все еще дают на 2010 год по ВВП мира в ЕС это +1%, в Латвии и Литве это еще минус, но, прежде всего это в Латвии еще -3,5%. Ситуация, в которой оказалась Латвия еще остается сложной. Ей потребуется координация и усилия в макроэкономической области, поиски проблем в области инвестиционного климата, поиск проектов и использование новых инвестиций для того, чтобы ускорить свой выход из создавшейся ситуации. Тем более что по всем прогнозам Латвия одна из немногих стран, где значительное сокращения занятости в то время, когда везде уже постепенно это выравнивается. Хотя везде занятость продолжает падать.

По ценам Латвия будет выглядеть, как снижение цен чуть больше, чем в других странах. Безработица остается достаточно высокой.

Проблемы с платежным балансом. Если в целом в ЕС это 0,4% и этим практически можно пренебречь, Финляндия стабильна, Швеция в плюсе, Эстония, Россия в плюсе, у Латвии выход в плюс наблюдается, но это дорогой ценой.

Долги продолжают нарастать. Если в остальных странах они практически стабилизировались и там продолжается рост, то в Латвии есть угроза дальнейшего роста долгов. Т.е. мы имеем ситуацию, когда 2010 год все еще тяжелый год для всего региона. Это не решается какими-то простыми макроэкономическими радикальными решениями, на 2011 год многие структурные параметры будут оставаться достаточно тяжелыми. И России, и многим другим странам региона, и Латвии особенно понадобятся и решения на уровне отраслей, на уровне предприятий, нужно налаживать кооперацию. Если мы наладим кооперацию и раскроем силы компаний и бизнесменов на микроуровне, это поможет и России и Латвии преодолеть последствия кризиса и выйти в более качественную модернизацию, в более качественный экономический рост».

Виктор Макаров, директор исследовательских программ «Балтийского форума» (Латвия)

«Я буду говорить о Балтийском регионе. Есть разные способы это делать. Есть люди, которые интересуются исследованиями Балтийского региона, там обычно говорится о потенциале, позитивной динамике. Если смотреть на это с точки зрения отношений ЕС и России, то тут подход чаще скептический, осторожный. Если говорить о Балтийском регионе с точки зрения Запада и России, то здесь возможны очень резкие высказывания в адрес России. Я постараюсь быть позитивным, но будут и негативные моменты.

Итак, Балтийский регион это мирный регион, это внутреннее море Европы, однако это и конфликтный регион. Здесь происходит раздел между ЕС и Россией. Балтийские страны и Польша до недавнего времени не имели хороших отношений с Россией.

Как быть с потенциалом Балтийского региона с учетом этого фактора? Я начну с моделей сотрудничества. Есть Северная модель и Ганзейская модель. Ганзейская модель предполагает большую торговлю, сотрудничество, не имея общих мнений по поводу ценностей и т.д., просто есть правила осуществления сделок. Это существовало на протяжении многих веков в Балтийском регионе и почему бы и в будущем не продолжать так сотрудничать?

Есть другая модель сотрудничества - Северная модель, которая делает этот регион уникальным. Она возникла с идеи близости культур, ценности северных стран, от части

близости языков, хотя это не вполне так. Это развивалось в 20 веке на фоне ощущения культурной близости и привело к потрясающим результатам. Дело не просто в экономических сделках, операциях, это также появление некоторых институтов, которые основаны на очень высокой степени доверия между странами. Мы на общеевропейском уровне еще не достигли этого. Конечно, европейцы тоже хотят достигнуть этого.

Трудно утверждать, что Россия и другие страны региона имеют столь же близкие ценности и их нельзя вводить порегионально. Стратегия Балтийского моря плюс Россия - здесь можно многое сделать для сотрудничества, это имеет большой потенциал для торговли, но культурная пропасть будет налагать ограничения на интеграцию. В конце концов, повестка модернизации с западной точки зрения, это не просто экономический проект, это предполагает доверие между странами и их населением. Итак, есть проблема, которую надо решать. Балтийский регион начинает решать эту проблему. И опять же, дело не только в экономическом сотрудничестве, есть еще и проект глубокой интеграции, который включает в себя Россию. Это и был бы западный вклад в модернизацию России.

Помимо обычных разногласий между странами, есть разница идентичности, иногда они сталкиваются, переходят в конфликт, разное восприятие политики и разные ценности, по крайней мере то, как они осуществляются на практике в экономических и политических системах. Проблема в том, что это определяет некоторые решения принимаемые странами. Примеры: проект Nord Stream – единственный, пожалуй, важный региональный проект, важный для всей Европы. Его назвали трубой Молотова-Риббентропа в Польше и некоторых других странах. Я говорю не о том, правильно это или не правильно, я говорю о факте. Так он некоторыми называется и это определяет восприятие его многими политическими элитами. Почему? Потому что история определяет то, как государства видят свои интересы и свою безопасность.

Существует пропасть между экономической рациональностью и соображениями безопасности. Это касается и вопроса о Мажейкяе в Литве. Это печальный результат политических решений и решений в области безопасности, принятых в Литве.

Были серьезные дискуссии в Латвии относительно газохранилища, которое требовало бы больших капиталовложений в инфраструктуру со стороны России. Обсуждались последствия прихода российского бизнеса в Латвию. Некоторые политики говорили о том, что это приведет в Латвию нежелательное политическое влияние, с которым мы не хотим здесь сталкиваться, другие говорили, что это не проблема, но эти соображения влияли на принятие решения.

Мы помним многие неприятные моменты в отношениях Европы и России. Европа не смогла сформулировать последовательную политику в отношении России, это была, пожалуй, страусиная политика, одновременно и кокетство с Россией. Россия со своей стороны искала формулировки своей идентичности, место в мире. Это были основные проблемы, о которых говорил г-н Юргенс. Но мало обсуждалась возможность продвижения России к обществу западного типа. Балтийский регион это прекрасный отправной пункт для такого процесса по многим причинам. Если говорить о западных районах России, то этот регион прозападная часть, они естественно тяготеют к Европе.

Я бы так же сказал о соседях России, которых часто называют русофобами, это Балтийские страны и Польша. Они тоже очень учитывают существование России и хотели бы видеть Россию в экономически хорошей форме, политически ориентированную на Запад. Если они начнут видеть Россию именно так, то это имело бы очень позитивные результаты. Мы видели недавно примирение Польши о России, также уже видны ростки этого процесса и в Балтийских странах. Тогда можно действительно сказать, что отношения России и ЕС вступили в новую фазу, что

появились обнадеживающие перспективы появления политического мышления, которое ориентировано на будущее.

Что можно сделать в этом направлении? Я выделю три момента. Первое, интересно, что мы до сих пор не имеем политического форума, который именно был бы посвящен проблемам сотрудничества ЕС и России в Балтийском регионе. Есть организация, которая отчасти занимается этими проблемами, в частности энергетическими, но она не занимается именно проблемой отношений ЕС и России в терминах стратегии в Балтийском регионе.

Во-вторых, необходимо включить в этот процесс гражданское общество. Инициатива восточного партнерства ЕС предполагает участие гражданского общества, как основного элемента этого процесса. Форум в прошлом году предложил, что хорошо бы организовать форум гражданского общества. Вероятно, надо начать с каких-то инициатив регионального масштаба, необходимы инвестиции. Я был очень рад услышать от российских коллег, что гражданское общество сейчас считается в России частью российской программы модернизации. Наши российские соседи могли бы помочь быстрее осуществлять развитие гражданского общества. Процветающее гражданское общество должно будет в какой-то степени устранить различие в ценностных системах.

В-третьих, это вопрос о визах, который здесь уже упоминался много раз. Чем больше мы об этом говорим, тем лучше. Необходимо отменить визы для граждан России, политическое решение должно основываться на позиции ЕС в отношении возможности, которую можно предоставить гражданам России. Есть только одно политическое препятствие – Украина, Беларусь и другие страны. Но других политических препятствий на этом пути нет. Спасибо».

Посол Ханс-Фридрих фон Плётц: «Спасибо за конкретные три предложения, которые вы сделали. Я хочу поделиться некоторыми соображениями. Отношения ЕС и России никогда не были легкими по многим причинам и с одной стороны и с другой. Когда мы вели переговоры в отношении российской стратегии в 90-е годы, к этому было трудно привлечь Финляндию, они молчали и нельзя было достигнуть соглашения. Однако после тщательных и ответственных размышлений они согласились, тогда и все остальные, у кого были сомнения после того, как Финляндия сказала да, тоже согласились. Такой же дух присутствует и в отношении балтийских участников на форумах ЕС. Если были двусторонние сложности между Россией и соответствующим партнером, то была тенденция европеизировать эти проблемы уже на уровне России и ЕС. А если все было хорошо, то это было двустороннее достижение.

О шагах, которые можно предпринять. Мы знаем, что Балтийские страны в отношении производства, распространения энергии достаточно небольшие игроки. А ЕС начался как союз угольной промышленности, которым управляли государства на коллективной основе. Такие же коллективные условия могут стать мерой по укреплению доверия и уверенности друг в друге. Затем, пограничный контроль. Сейчас на границе Польши и Германии есть односторонние пункты пограничного контроля, т.е. или со стороны Польши или со стороны Германии, и это может стать способствующим фактором. Следующее, инфраструктура. Традиционно порты Балтийских стран играли огромное значение для СССР. А сейчас каково состояние вещей? Есть ли возможность каких-то улучшений? Будет ли это хорошо для балтийской и российской экономики? Надо совместно развивать инфраструктуру, использовать преимущества незамерзающих портов на Балтийском море. Это будет способствовать стабильным отношениям, что хорошо для России, для ЕС и для каждой конкретной страны в Балтийском регионе».

Фрейзер Камерон, директор центра «ЕС–Россия» (Бельгия)

«Когда руководители стран ЕС будут встречаться в Ростове с руководителями РФ, это будет уже 25-ый саммит, это самые бюрократические отношения в мире. У нас больше саммитов с Россией на уровне ЕС, чем саммитов с США. Мы регулярно уже на протяжении многих лет встречаемся. С учетом этой регулярности бесед и встреч, мы понимаем друг друга, но мы продолжаем говорить не друг с другом, а в сторону друг друга.

Модернизация в России для многих сводится к процессу каких-то лекций или к тому, что руководители государства со своих вершин могут что-то продиктовать и исправить положение вещей таким образом. Концепция, которую отстаивает г-н Путин иная, как сделать существующую систему более эффективной. Мы не говорим о каких-то основополагающих изменениях существующей системы, как инвестировать нанотехнологии, как построить инновационные парки, но это не будет эффективным. Трудно договориться с Россией о строительстве какой-то конкретной дороги, потому что необходимо вмешательство государств, для того чтобы эта история стала историей успеха. Многие европейцы хотели бы вложиться в эту красивую перспективу. Вот мы видим со стороны России стремление к модернизации, давайте ЕС сделаем вложения, инвестиции и поможем России. Многие люди с этим не согласны. Другие говорят иначе – у нас нулевая перспектива для западных компаний получить справедливое к себе отношение России, потому что есть коррупция, неуважение к правопорядку. Какая компания захочет инвестировать в Россию, если есть целый ряд стран, куда можно инвестировать? Это вопрос, который России надо решать – в чем привлекательность России для инвестора? Есть не только законодательные рамки, должны быть и другие условия. Вопрос – должны ли мы помогать России или нет – всегда обсуждается. Конечно, мы должны помогать России, но это не должна быть помощь без условий и эти условия уже частично были определены для того, чтобы создалась ситуация, чтобы каждая сторона была бы в выигрыше.

Говоря об энергетике, структура энергетического сектора в России устарела. Необходимо делать инвестиции в технологии, в инфраструктуры. Вы знаете, что Россия теряет больше газа каждый год, чем потребляет вся Франция? Таков масштаб проблемы. Реальная проблема для Европы состоит в том, что Россия через пару лет, если не будут разрабатываться новые нефтяные месторождения, не сможет выполнять свои обещания – поставлять именно столько нефти, нефтепродуктов, сколько она обязалась сделать. Но открываются и другие возможности, например, сжиженный природный газ, который может поставляться из других стран Европы. Есть у России и потенциал, но многое необходимо улучшить и быть активными в этом вопросе, это касается и Балтийских стран.

Есть определенное потепление и сближение на политическом уровне. Сегодня уже говорили о Польше, США, Украине. Но есть проблемы с Грузией и эта проблема никуда не исчезнет. Есть по-прежнему значительно количество стран-участниц ЕС, которые считают, что этот вопрос имеет центральное значение в отношениях с Россией, что Россия поощряла выход Южной Осетии и Абхазии, для многих стран это неприемлемо, это нарушение Хельсинских принципов, это проблемный вопрос, который необходимо решать.

Это ставит на повестку дня вопрос двусторонних отношений. Здесь надо понимать историческую концепцию для Балтийских стран, для Польши и т.д., которые вышли из советского блока и вступили в ЕС, у них были отрицательные эмоции по поводу России. Мне кажется, что эта эпоха закончилась и сейчас есть другие тенденции, другие сигналы, которые, например, со стороны Польши очень четко выражает г-н Туск. То же самое наблюдается и со стороны Балтийских стран. Хотя два года назад я бы сказал, что двусторонние отношения препятствовали сближению отношений ЕС и России, то сейчас эти проблемы гораздо менее выражены. Даже, условно выражаясь, трубопровод Молотава-Риббентропа уже не стал препятствием для восприятия России как партнера среди некоторых стран ЕС. Если раньше Россию в некоторых странах ЕС воспринимали

как антагониста ЕС, эта эра сейчас прошла. Когда в Гданьске была выражена полная поддержка Польше со стороны Германии в эпоху солидарности, я думаю, это одна из причин, почему г-н Путин радикально изменил свое отношение к событиям в Катыни. Сейчас это сближение на лицо, но остается фундаментальная проблема.

Что каждая из сторон подразумевает под модернизацией? Г-н Макаров отметил гражданское общество. Это критически важная область. И г-н Медведев и Европейская Комиссия отметили это как область, в которой много предстоит сделать. Может быть, Балтийские страны могли бы попытаться вовлечь в этот процесс русскоязычную часть общества, потому что всегда россияне говорят, что в некоторых странах ЕС не защищаются права русскоязычных меньшинств. Если мы можем продемонстрировать, что это не так, что они полностью интегрированы, что они желают принимать участие в консультациях, где привлекаются члены гражданского общества, будет очень хорошо.

Вопрос о визах – это скорее вопрос на уровне наших МВД, они блокируют эти усилия, не МИД, а именно МВД. Мне кажется, что наши бизнес-сообщества тоже наблюдают не совсем благоприятную ситуацию со стороны России, когда представители нашей бизнес-среды приезжают в Россию, они должны регистрироваться после проведения нескольких дней в России. Если приехать из России в страны Шенгенской зоны этого делать не надо.

Приграничный контроль. Когда я изучал границу России и Эстонии, я спрашивал, сколько зарабатывает в месяц эстонский пограничник, российский пограничник и финский пограничник. Финский зарабатывал 2000EUR, эстонский - 500EUR, российский - 100EUR. В таких ситуациях коррупция неизбежна. Безусловно, произошли многие положительные изменения за последнее десятилетие в России, но огромная бюрократическая машина, где все ожидают откаты, она создает проблемы. Концепция государственной службы – это самый большой вызов, который стоит перед Россией. Как создать бюрократию без коррупции? Я знаю, что здесь нет простого ответа. Западной Европе потребовалось много времени, во многих странах проблема не решена полностью, но я думаю, что это одна из сложнейших проблем, стоящая перед Россией.

Модернизация. Скоро в Ростове пройдет еще один саммит, будет очень хорошая атмосфера, они появятся перед журналистами, пожимая друг другу руки и улыбаясь, но до сих пор нет консенсуса в отношении того, что представляет собой модернизация, что каждая сторона подразумевает под этим. Пока мы не достигнем консенсуса с обеих сторон, что означает модернизация, что нужно сделать для того, чтобы воплотить это в жизнь, будет трудно продвигаться на этом фронте вперед. Поэтому я желаю успехов в этом процессе, но по-прежнему в нем не снят вопросительный знак».

Александр Дынкин: «Я думаю, что коррупция это общеевропейская проблема. Вы знаете о том, что недавно американцы нам помогли найти коррупционный случай в деятельности компании Daimler-Benz на российском рынке. И большое спасибо американцам, это не европейские административные органы нам в этом помогли. Есть примеры не вполне адекватного отношения к российским инвестициям на территории ЕС. Сейчас это дело передано в прокуратуру Германии, это дело о банкротстве пятой по величине авиационного перевозчика компании Blue Wings, которая принадлежала российскому предпринимателю Александру Лебедеву, там была абсолютно не честная конкурентная борьба. Так что я думаю, здесь есть проблемы с двух сторон, хотя, если посмотреть правде в глаза, то у нас таких случаев, к сожалению, больше».

Сергей Кулик, директор Дирекции по проблемам международного развития Института современного развития (Россия)

«Г-н посол фон Плётц говорил о Baltic Spirit, о его вкладе в развитие отношений России и ЕС. Г-н Макаров упоминал две вещи – Балтийская стратегия и Восточное партнерство.

Для того чтобы почувствовать балтийский дух, было бы желательным, чтобы даже в тех внутриЕСовских консультациях, в ЕСовских внутренних делах, когда это касается непосредственно России, иногда консультироваться или показывать заинтересованность в определенном участии России.

Конкретно о Балтийской стратегии. Балтийская стратегия это внутриЕСовский документ. Но Россия является частью Балтийского моря. Если обсуждается этот документ, соответственно, иногда можно пригласить и проконсультироваться с российскими специалистами. А это происходило так, что была принята Балтийская стратегия, потом показали России и предложили что-то пообсуждать и поучаствовать. Здесь существуют бюрократические обиды, которые абсолютно влияют на это дело. Когда мы говорим о действительно реальной и актуальной задаче подключения России к вопросу, связанным с Балтийской стратегией, должен быть такой дух, который не отпугивал бы людей, которые принимают и реализуют решения.

То же самое касается и Восточного партнерства, причем я подчеркиваю, речь идет не о Европейском соседстве, а именно о Восточном партнерстве. Об этом мало пишут, но Россия предлагала свое участие в Восточном партнерстве, даже финансирование Восточного партнерства, потому что это тоже касается постсоветских стран, стран СНГ и т.д. Действительно это документ ЕС, но хотя бы нужно было проконсультироваться и т.д. По моему мнению, это от части является важным фактором относительно негативной реакции России на Восточное партнерство. Хотя бы на первых стадиях нужно было все обсудить, снять определенное беспокойство и т.д.

Поэтому чтобы снимать определенные трения между Россией и ЕС, нужно входить в такой диалог, который затрагивает и Россию и ЕС по тем или иным программам, тогда Baltic Spirit будет более эффективным.

По электричеству. Как вы знаете, в СССР существовала несколько другая система, потом после присоединения стран Балтии к ЕС, там другая система, были различные предложения каким-то образом решить эту проблему, но, тем не менее, эта проблема не решена.

Относительно виз. Это очень важный вопрос и в отношениях России с Прибалтийскими государствами и странами Балтийского региона в целом. Здесь существует две проблемы. Одна из них, о которой говорил г-н Камерон, это регистрация. Но существует одна серьезная проблема. Позиция России заключается в том, чтобы в ближайшее время мы перешли к безвизовому режиму. Позиция ЕС – провести серьезную реформу в сторону улучшения визового режима. Т.е. чтобы граждане легче получали визы, на больший срок и т.д. В принципе, предложение ЕС имеет под собой больше оснований. Но если эту систему внедрять, когда она будет реализовываться, то, в том числе из-за бюрократических вопросов, перспектива введения безвизового режима при принятии позиции ЕС может быть отодвинута на неопределенное время, во всяком случае, не раньше 2020 года. Поэтому здесь существует определенная нестыковка. С одной стороны, нужен безвизовый режим, с другой – ввести новую модернизированную систему, которая должна апробироваться определенное количество лет. Эту проблему нужно решить и определенную дорожную карту на предстоящем саммите ЕС-Россия должны принять.

Что касается Boarder Controls, абсолютно правильный вопрос. Сейчас разрушаются таможенные границы, например, с Казахстаном, и одновременно укрепляется граница приграничными войсками. Получается противоречие. Во всяком случае, проблема Boarder Controls, проблема миграции и самая главная, в связи с визовым режимом и приграничным контролем, проблема реадмиссии – заключение со стороны России серии договоров о реадмиссии с другими странами, начиная с юго-восточной Азии и т.д., это очень важный вопрос. Этому мы должны предавать серьезное значение, может ЕС сможет помочь давлением на определенные страны, которые пока не желают

подписывать договор о реадмиссии с Россией, для того, чтобы у нас модернизировался визовый режим с перспективой на выход на безвизовый режим. Во всяком случае, без договоров о реадмиссии озабоченность ЕС обоснована.

Несколько замечаний относительно Балтийской стратегии и площадок для эффективной кооперации России с ЕС. В связи с предстоящим Советом глав правительств совета государств Балтийского моря, мне кажется, что эту структуру нельзя забрасывать и нужно думать о том, чтобы ее активизировать. Если довольно эффективно идет у нас Северное измерение, то с Советом государств Балтийского моря продвижений намного меньше. Поэтому надо воспользоваться всеми возможностями, здесь я тоже имею в виду дух Балтики, чтобы эта структура заработала более эффективно и целенаправленно, тем более что есть соответствующие решения на саммите этой организации в Риге два года назад и в Дании в 2009 году.

Недавно наш Институт современного развития подготовил доклад о реинтеграции политики России по реинтеграции СНГ, он опубликован, скоро выйдет книга. В принципе, там было два предложения. Первое, создание многосторонней зоны свободной торговли внутри СНГ, эта идея была принята, создана концепция в государственных органах. Второе предложение вызвало определенную аналитическую активность и, конечно, было бы здесь хорошо подумать вместе с нашими партнерами из Латвии, как страной ЕС и, соответственно, аналитиками ЕС. Речь идет о том, что при определенных процессах реинтеграции на СНГ нужно подумать о создании какой-то надблоковой структуры в отношении не России и ЕС, а в отношении СНГ и ЕС, о том, чтобы на этой площадке постепенно думать о продвижении к общеевропейскому экономическому пространству. Вопрос в том, как нам выйти не на конфликтность на постсоветском пространстве с ЕС, а как выходить на партнерские отношения в создании определенного общего экономического пространства.

Относительно инфраструктуры. Хочу поднять, как я считаю, самый главный вопрос в повестке дня отношений ЕС и России, соответственно, наших латвийских друзей как части ЕС. Речь идет о партнерстве для модернизации. Та инициатива, не только России, но и ЕС, которая была озвучена на саммите в Швеции в ноябре прошлого года, я считаю, является очень знаковой и прорывной инициативой. От успеха этой программы будут зависеть очень многие направления в наших отношениях с ЕС.

Если говорить о конкретных предложениях, мы некоторое время назад подготовили предложения по модернизации в ответ на инициативу европейцев. Я озвучу некоторые конкретные направления, которые можно потом обсуждать, конкретизировать или отвергать, или добавлять. Это в ответ на предложения Еврокомиссии, которые были сделаны в феврале. Перечислю некоторые из пунктов. По пункту укрепления верховенства закона, это совместно с ЕС разработка кодекса чести для работающих на российском рынке европейских компаний; выстраивание механизмов в сотрудничестве с ЕС в реализации судебной реформы – это касается не экономических вопросов. Далее, совершенствование регулятивной практики, стимулирующей прямые инвестиции; сближение законодательства сторон в этой сфере; инвестиционный потенциал долгосрочных отраслевых и секторальных программ развития в России и ЕС; привлечение и сопровождение долгосрочных инвестиций из стран ЕС путем создания совместных с иностранными инвесторами фондов, инвестиций в стратегических секторах, требующих модернизации; привлечение инвестиций из ЕС в рамках реализации программ реструктуризации экономики моногородов; привлечение инвесторов из стран ЕС для участия в российских программах приватизации части государственной собственности; совершенствование механизма координации торговой политики, позволяющей сторонам воздерживаться от дискриминационных мер в отношении друг друга; учет опыта ЕС в организации единого таможенного пространства России, Беларуси и Казахстана. Что касается пункта Еврокомиссии по дальнейшей интеграции наших рынков, то это более активное эффективное проведение координации миграционной политики России и ЕС для условий привлечения в Россию

квалифицированных иностранных работников и ученых; постоянная активная работа по достижению совместимости систем технического регулирования в России и ЕС; сближение законодательства России и ЕС о банкротстве и залоге; создание условий для увеличения иностранных компаний и т.д. Есть много предложений и по продвижению на рынках капитала и т.д. Но, во всяком случае, партнерство для модернизации это очень важная программа. Надеюсь, что на предстоящем саммите будут какие-то определенные договоренности и работа будет начата на деле, а не на словах. Партнерство для модернизации это очень знаковый проект. Спасибо».

Дискуссия

Леонид Григорьев: «Несколько пунктов по европейско-российским энергетическим отношениям. У нас спадает напряжение в этих отношениях. На Юге все успокаивается и на Севере. Энергетические проекты становятся коммерческими. Чем меньше политики в энергетике, тем лучше, тем более что мы имеем очень специальные сферы, не только потому, что энергетика специальная и она очень важная, но, прежде всего, это другие масштабы инвестиций. В большинстве случаев в среднем маленький нефтяной проект это очень большой проект в обрабатывающей промышленности. Самый большой нефтяной проект, обычно это маленький проект в газовой промышленности. Газовые проекты требуют таких денег, которые просто невозможно поднять на основе риска, вы должны понимать, как эти деньги будут возвращаться. Тут требуется большая координация.

Следующее в этой связи, возникает серьезнейшая проблема прогнозов. Наш институт участвует для министерства энергетики в двусторонней работе с энергетическим департаментом ЕС в Брюсселе, мы не только оцениваем прогнозы, мы залезли в механику составления прогнозов, в энергетические и экономические модели. У нас есть некоторые претензии по технике, но дело не в этом, а в том, что европейские прогнозы на потребление газа очень нестабильны. Скорее всего, следующие два десятилетия понадобится большое количество газа, а европейские прогнозы показывают увеличение доли угля. Мы хотим понять, это прогнозы, основанные на объективном развитии энергетики или это политические сценарии, которые надо выполнять. Нас все время спрашивали – вы инвестируете в добычу газа или нет, будет газ или нет, создавалась ситуация как будто Россия не надежна в смысле объемов поставок в будущем. Теперь, наоборот, по прогнозам ЕС получается, что газа не надо, не надо инвестировать. Это очень опасный подход к прогнозированию. Для того чтобы Россия снабжала Европу газом на это необходимо. Российские прогнозисты уверены, что Европе после кризиса после 2015-2017 года понадобятся дополнительные очень большие объемы газа. Более того, в Европе постепенно появляется не как правило, но как рекомендованная вещь – это запас мощностей. Ведь в целом ряде случаев не было никакого запаса трубопроводных мощностей, не из России в Европу, не внутри Европы. Нормально иметь примерно 15% запаса. Но представьте, если Брюссель введет правило 15%-ого резервирования мощностей, с точки зрения российского экспорта 200 млрд., это автоматически одна труба на 30 млрд., т.е. половина Северного или Южного потока – это просто резервная труба. Поэтому неожиданные прогнозы становятся колоссальным фактором взаимодействия коопераций. Нам очень хотелось бы, чтобы здесь все было хорошо.

По Прибалтийской энергетике. Закрыть Игнаину было политическим требованием ЕС, хотя на станции не было никогда ни одной аварии. В мире огромное количество российских станций. Мы готовы строить дальше в Европе. Игнаина ушла, поэтому основное снабжение идет с Востока на Запад. Российские компании готовы поставлять электричество, но нам в любом контексте хотелось бы иметь уверенность, что созданы технологические переходы между энергетическими системами так же, как они сделаны между широкой и узкой колеей в железных дорогах. Давайте просто сделаем стыки

колеи, и тогда вся российская система является резервной мощностью ЕС, во всяком случае, Восточной Европы. Вертикальный электрический Север-Юг говорит, что это возможно, но это, конечно, просто страховка, потому что в России есть обычные мощности и мы продолжаем строить. У нас есть нехватка пиковой электроэнергии в некоторых районах, но это постепенно снимается.

И последнее, пожалуй, самое важное - кто этим должен заниматься? Сейчас идут очень интенсивные двусторонние консультации по «Третьему пакету» в Вене, которые заменили переговоры вокруг энергетической хартии. Было четыре встречи с Нового года. «Третий пакет» по некоторым аспектам очень опасный, например, если внезапно разделить добывающую и транспортирующую систему в Европе, европейская транспортная система физически недоразвита для нормальной либерализации, этого никто не хочет понимать. В правовом отношении, например, норвежцы говорят – мы не можем продать газ в Мюнхен, мы должны продать в Северную Германию, потом кто-то перепродаст. В Европе компании, чтобы решить проблему доступа к газопроводам, решают это путем обмена активами. Сейчас европейские компании под давлением Брюсселя, готовятся к горизонтальному разделу своих компаний – добыча отдельно, транспорт отдельно. Кто будет инвестировать в транспортную систему Европы? Каким образом транспортные компании будут делать большие проекты? Газпром готов был инвестировать, ему сказали не надо, ты чужой. Поэтому существует и проблема правовой либерализации, которой еще нет. Вообще говорят, «Третий пакет» может привести к появлению европейского Газплана, который будет собирать деньги и инвестировать куда надо, куда решит комиссар по энергетике. Но поскольку он немецкий комиссар, то все будет в порядке. Я бы предоставил это компаниям, либо мы верим в рынок, либо не верим. Если верим, то лучше бы это делали компании».

Олег Щепцов, профессор, экс-депутат парламента Латвии

«Меня заинтересовало выступление г-на Григорьева, когда он коснулся Латвии. Понимаю, что Латвия не такая маленькая страна, она по территории в два раза больше Дании, а там живет 5,5 млн., а здесь немного больше 2 млн., однако дела с точки зрения экономики идут неважно. У нас есть специфика менталитета. Скажем, если Литве дают указание ликвидировать свекольное хозяйство, она это не выполняет, а Латвия выполняет. Мы в период первой ЛР и в период инкорпорационной гордились таким предприятием как ВЕФ, сейчас во второй ЛР его нет и видимо быть не может. С учетом нашего менталитета, когда мы долгое время выполняли указания из Москвы, в отличие от Литвы, а сейчас также очень аккуратно выполняем указания из Брюсселя. Вопрос к г-ну Григорьеву, если бы вы были экспертом в Брюсселе, что бы вы порекомендовали, чтобы мы не находились в таком положении, в котором находимся сейчас? И с учетом того, что мы не имеем ресурсов, не можем поставлять энергию, что конкретно Вы бы порекомендовали как экономист?».

Леонид Григорьев: «Очень тяжело быть экспертом для другой страны, поэтому буду краток. К вопросу об исполнении указаний, да, мы слышим из Восточной Европы, больше из центральной и южной, как друзья говорят, что когда из Москвы шли указания, все же с Москвой было легче договориться, чем с Брюсселем, теперь сложнее. Я думаю, что у Латвии кроме естественных географических преимуществ, высокое качество рабочей силы по сравнению с Россией, у нас нехватка рабочей силы, у вас безработица, у вас сохранилась квалифицированная рабочая сила не занятая в значительной мере, у вас ниже коррупция, это уже заметно. То, что уже появились российские предприниматели, вкладывающие в промышленность, это симптоматично. С точки зрения инвестиций, российские предприниматели с удовольствием бы здесь вкладывали. Можно много сделать по переработке и повышению добавленной стоимости, например по лесу.

Что касается ВЕФа, я не хотел бы трогать политических аспектов, но на ВЕФе работало 20 тыс. человек. Есть три предприятия в Латвии, которые исчезли, это ВЕФ, РАФ и завод электричек, которые имели бы огромный рынок в нынешних условиях».

Виктор Макаров: «Может создаться превратное впечатление, что ЕС запретил производство сахара, как СССР запрещал самогонование. Это не так. Речь шла о том, что производство сахара как сельскохозяйственное производство в ЕС субсидируется, это безумная политика, изменить мы ее не можем, тем не менее, Латвии было предложено получить большие деньги за то, чтобы прекратить производство сахара, чтобы не мучить субсидиями и вопросами рентабельности себя и ЕС. Латвийские производители сахара согласились, кстати, не государство, теперь начинаются стоны, как так нам прикрыли отрасль промышленности. Да производите, пожалуйста, сколько хотите, потом попробуйте продать. Вот и вся проблема».

Вячеслав Алтухов, др. экономики

«как известно, в результате кризиса пришло понимание у экономистов, что рыночная экономика все-таки циклична. Что эта цикличность укладывается в теорию Кондратьева. Это с одной стороны. С другой стороны, лауреат Нобелевской премии Хикс писал, что «единственная возможность придать смысл цикличности, это связать ее с производством и сбытом продукции на определенной научно-технической основе. Спад – это насыщение и перенасыщение рынка продукцией с одними свойствами, и подъем – когда появляется новая продукция, с новыми свойствами, на основе новых научных разработок и открытий». В соответствии с теорией, подъем должен быть, хотя экономика у нас глобальна, но каждая страна будет выходить из этого кризиса в меру своей приспособленности и участия в прогрессе. Вопрос к г-ну Дынкину: «Как Вы оцениваете возможность выхода России на этот уровень, исходя из постепенно накапливающихся научных разработок? Г-н Примаков оценил это на 2020 год. Вы согласны с этим или это будет позже?»

И второе, скорее предложение. Говорили, что исчезли предприятия и т.д. Что есть, то есть. У нас работает межправительственная комиссия. Я предлагаю, что следовало бы России, учитывая ее заинтересованность в хозяйственных связях с соседями, проработать конкретные предложения с привлечением наших экономистов, как она хотела бы кооперироваться с Латвией, образно говоря, какое техноэкономическое задание дала бы Латвии на кооперацию».

Александр Дынкин: «Я абсолютно согласен с тем, что экономика развивается циклично и, безусловно, мы будем свидетелями еще не одного кризиса. Я не уверен, что теория Кондратьева на 100% объясняет то, что происходит с финансовыми производными, но определенные технологические циклы влияют на динамику экономики. Говоря об этом, я хочу напомнить, что в октябре 2008 года Бил Гейтс сказал о том, что он не сомневается в том, что этот кризис, когда он только разворачивался, приведет к каким-то технологическим прорывам. Действительно так случилось. Технология сланцевого газа, которая появилась именно в 2008 году, сегодня закрыла импортный разрыв по потреблению газа на американском рынке, сегодня США стали крупнейшим производителем природного газа. Т.е. технологии существенно влияют на рынки.

Я далек от мысли, что можно дать какое-то задание Латвии. На мой взгляд, это утопия. Можно, видимо, говорить о какой-то кооперации. Я считаю, что в Эстонии была осуществлена блестящая инновация, которая вышла на мировые рынки, это программа Skype, мы практически все пользуемся этой инновацией. С другой стороны, пока мировые рынки не знают ни одной китайской инновации. Я бы просил задуматься о том, почему это происходит. А относительно кооперации с Латвией, по-моему, сегодня мы тут сформулировали целое меню возможных направлений такой кооперации».

Сергей Чернышев: «20 лет работая в российском правительстве, я, к счастью или к сожалению, не сталкивался с проблемами, о которых справедливо говорил г-н Камерон, при этом уверен, что бывают и другие ситуации.

Уверяю вас, в российском правительстве есть работоспособная часть, которая тоже задумывается о том, как выстраивать долгосрочную политику РФ, в том числе и в отношениях с соседями. Здесь мы, как и во многом другом, берем пример с ЕС, поэтому очень внимательно подошли к инициативе Польши и Швеции, это очень символично, что именно эти две страны в свое время запустили идею создать своего рода инструмент долгосрочного совместного планирования работы с восточными соседями ЕС. Вот и мы тоже задумались о подобном ключе и в очередной раз для себя открыли ту истину, что нельзя оставлять вокруг себя серых зон, нужно всегда договариваться с соседями на понятных и взаимоприемлемых принципах. Попытки игнорировать это, которые в разные годы предпринимались, привели, как и всегда, в плохих переговорах к очень плохому результату. Они привели к тому, что у нас нет - ни у России, ни у наших соседей – понимания того, как мы должны выглядеть в мире через 10-15-20 лет, совместно, раздельно, как враги, как соперники или же как друзья. На эти элементарные вопросы, которые люди стараются решить в быту, когда они создают семьи, знакомятся с соседями, переехав на новую квартиру, мы не ответили, в этом большая проблема. Эту проблему, как мы понимаем, такого же свойства испытали в Брюсселе, когда в процессе стремительного расширения ЕС в какой-то момент опомнились и подумали, а что же мы будем делать дальше, где та граница – 27, 29, 30 или 35 стран – на которой мы остановимся. Это тоже вопрос, который до сих пор не получил ответа. В этом смысле мы находимся в идеологическом экзерсисе, который схожий с ЕС. Мы пытаемся над этим работать. Я уверен, нужно работать совместно и это тоже обсуждается.

Нам огромную поддержку оказал Институт современного развития, когда высказал на этот счет предложения. Г-н Кулик как раз и говорил об этом. Мы сами не решались их сформулировать. Мы думаем, что у нас и у Европы, которая западнее нас и в которой Латвия играет роль медиатора, я совершенно не преувеличиваю это, у нас нет другого выбора, как пытаться построить общее экономическое пространство в перспективе. Это достаточно банальная идея, она многократно раньше в разных экономических дискуссиях обсуждалась, но никогда не выходила на фазу обсуждения с партнерами. На самом деле, анализ Института современного развития и мы его поддерживаем в Министерстве экономического развития России, показывает, что у нас нет другой альтернативы. Я не буду долго об этом говорить, кто не видел еще этого анализа, рекомендую ознакомиться, там это анализируется детально. Но смысл в том, что надо выстраивать общее экономическое пространство от Атлантики до Тихого океана и от Северо-ледовитого до Памира. Иначе мы будем получать ситуации, как недавно в Бишкеке, это один только маленький пример, хоть и негативный, но не самый тяжелый, который может получиться, если мы эту работу не будем проводить.

Как это делать? Это не сложно сделать, на самом деле, потому что многое уже делается. ЕС начинает переговоры по соглашениям в ассоциации с восточно-европейскими странами СНГ. С Украиной они уже ведутся, с Молдовой мандат получен, осталось получить мандат на Азербайджан, Армению, Грузию, которая вышла из СНГ, но продолжает оставаться на политической карте, и на Белоруссию, может быть, это потянется подольше по известным политическим причинам, но тоже рано или поздно состоится. Мы со своей стороны в прошлом году вступили в эксперимент по созданию таможенного союза с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Ничего подобного в мире никогда не делалось в такие сроки. Мы вместе с тем подходим к этому очень серьезно и пытаемся создать эту интеграционную группировку на принципах, которые не противоречили бы экономическому законодательству ЕС. Я хотел бы это особо подчеркнуть. Мы изначально построили работу таким образом, чтобы система, которая создается в тройке таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном,

была бы совместима с экономическим законодательством ЕС. Это важно понимать.

Теперь, что по сценарию, который нам представляется реалистичным и желательным, можно было бы делать дальше. Сергей Кулик упомянул многостороннее соглашение о свободной торговле в рамках СНГ. Это соглашение, которое в отличие от перекрестной системы двусторонних зон свободной торговли в рамках СНГ, которая действует сейчас, было бы своего рода генеральным соглашением о торговле в рамках СНГ. Т.е. это было бы соглашение, содержащее обязательные принципы системы разрешения споров, тоже основанную на нормальной мировой практике. Оно бы не противоречило не только ВТО, но и той системе регулирования, которая существует в ЕС и в его отношениях со странами-партнерами. Соглашение об ассоциации ЕС имел с десятками стран, потом оно переросло в членство, мы хорошо знаем, что это за соглашение. Так вот многостороннее соглашение о свободной торговле в СНГ, это примерно то же самое, что и соглашение об ассоциации ЕС и страны-партнера.

Таким образом, создавая систему экономического регулирования в таможенном союзе и постепенно перенося элементы этого экономического регулирования в зону свободной многосторонней торговли между странами СНГ, мы бы создавали правовые юридические и экономические предпосылки для того, чтобы создать зону свободной торговли от Атлантики до Владивостока. Юридически это можно сделать и мы понимаем, как это можно сделать. Теперь вопрос только в том, чтобы постепенно эта идея овладела массами. Нужно ее продумать, принять необходимые политические решения и приступить к ее реализации. Мы абсолютно уверены, что отношения с Европой, которые были бы построены на правовой основе свободной торговли, были бы выгодны всем участникам этих отношений и были бы выгодны нашим внешним партнерам. В этом смысле я рассчитываю на понимание и поддержку этой идеи США в первую очередь, а так же таких наших партнеров как Китай, Япония, Канада, те страны, которые абсолютно выигрывают оттого, что отношения в огромном, к сожалению, конфликтном регионе будут выстроены на транспарентных юридически закреплённых и экономически выгодных принципах. Эта концепция не реализуема в течение 1-2-3 лет, на ее реализацию потребуется 10-15 лет, но она приведет, как мы рассчитываем, к созданию такой системы, которая в состоянии будет генерировать те самые силы модернизации, в которых так сильно нуждается не только Россия, не только страны западной Европы, но и в принципе нуждается весь мир».

Александр Дынкин: «Я хотел бы дополнить свой ответ на предыдущий вопрос относительно оценок перспектив создания инновационной экономики в России. Хотя я себя считаю учеником академика Примакова, я никогда не дал бы такой однозначный ответ, что к 2020 году мы всего добьемся. Такой ответ уже давала комплексная программа долгосрочного развития, которую многие интенсивно обсуждали. Сегодня очевидно, что в том виде, в котором эта программа и в тех институциональных рамках, в которых она написана, она не выполнима. Программа не увидела кризиса 2008-2009 года. Они предполагали кризис в 2011-2012 году. Тем не менее, мы делаем очень много для того, чтобы каким-то образом запустить инновационную экономику и здесь не все получается.

Если говорить о национальной инновационной системе, у нас по отдельности все элементы существуют. У нас венчурные фонды, у нас есть вариант NASDAQ, это секция малых и растущих компаний на московской международной валютной бирже, практически все звенья существуют. Но пока это не работает. Мы продолжаем эти усилия.

Вы спрашивали, какое можно дать задание Латвии. Конечно, задания никакого не будет, потому что все решается на рыночных основах, но мы, например, запустили программу 25-ти исследовательских университетов. Т.е. отобраны 25-ть университетов, которые получают приличные деньги – 1млн.\$ в месяц в течение 5 лет для укрепления

и расширения своей исследовательской базы. Пожалуйста, найдите на сайтах эти вузы, обращайтесь туда. Сейчас в стадии запуска очередной большой проект, мы планируем его запустить осенью. Проект связан с тем, что 80 лучших профессоров России получают гранты по 5млн.\$ в рамках которых, они будут иметь возможность привлекать своих коллег из за рубежа для выполнения отдельных проектов, поинтересуйтесь так же и этим. Наконец, в стадии определения структуры находится проект Сколково, который тоже будет функционировать как некий международный хаб инновационной деятельности».

Абрам Клецкин: «У меня реплика, но, по-моему, очень существенная. Дело в том, что мы совершенно упускаем один аспект в нашей дискуссии. Когда речь идет об отношениях Россия-Европа, а тем более Россия-Балтика, то мы не должны забывать, что это не только внешнеполитические проблемы, это внутривнутриполитические проблемы, что в каждой из этих стран существуют мощные силы, которым нужен в одном случае – враг Россия, в другом – враг Латвия, Литва...Пока мы все совместно не начнем бороться с этими силами и с этим отношением, когда любая подвижка в сторону сотрудничества вызывает сопротивление, абсолютно необоснованное ничем, но помогает удержаться на политическом плаву определенным силам, по отдельности мы не сможем справиться. Мы должны получить отношение как межгосударственная и внутривнутригосударственная политика, без этого все остальные хорошие планы в конечном итоге буксуют. Это было до сих пор и будет продолжаться, хотя, конечно, последние какие-то улучшения есть, но не надо себя уговаривать примером, как резко улучшились отношения с Польшей. Я не уверен, что эта весна придет к урожаю осенью. Это еще пока не ясно. Если мы не преодолеем трудности в этом вопросе, не найдем решений».

Александр Дынкин: «Спасибо! Ваше выступление это достойное завершение нашей панели и оно напомнило мне, мы недавно с г-ном Юргенсом ужинали вместе с известным специалистом по России с лордом Скидельским, мы как раз обсуждали европейские вещи и г-н Скидельский сказал, что видит пять Европ в Европе – Атлантическая (Великобритания), Континентальная, Южная, еще одна Европа – Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия и молодая Европа, с массой подростковых комплексов. Мы начали с ним дискутировать, говоря о том, что эта Европа уже созревает и она скоро покинет период подросткового возраста, давайте все вместе на это надеяться, хотя я вижу, что вы отрицательно качаете головой!».

Игорь Юргенс: «Спасибо всем за работу! Завершая эту сессию, мы завершаем нашу конференцию!».